

GISAP:

HISTORY AND PHILOSOPHY

International Academy of Science and Higher Education
London, United Kingdom
Global International Scientific Analytical Project

No9 Liberal* | June 2016

GISAP

HISTORY AND PHILOSOPHY

Expert board:

Seville Ismailova (Azerbaijan), Bernhard Neumann (Germany), Alexey Konovalov, Gulzira Seksenbayeva (Kazakhstan), Alexander Sorokin, Helen Shentseva, Marina Dedyulina (Russia), Pak Sung Hoon (South Korea), Olivia Thatcher (UK).

GISAP: History and Philosophy №9 Liberal* (June, 2016)

Chief Editor – J.D., Prof., Acad. V.V. Pavlov
Copyright © 2016 IASHE

ISSN 2054-6467
ISSN 2054-6475 (Online)

Design: Yury Skoblikov, Tatyana Gribova, Inna Shekina, Alexander Stadnichenko

Published and printed by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
1 Kings Avenue, London, N21 3NA, United Kingdom
Phone: +442071939499, e-mail: office@gisap.eu, web: <http://gisap.eu>

! No part of this magazine, including text, illustrations or any other elements may be used or reproduced in any way without the permission of the publisher or/and the author of the appropriate article

Print journal circulation: 1000

!“*Liberal – the issue belongs to the initial stage of the journal foundation, based on scientifically reasonable but quite liberal editorial policy of selection of materials. The next stage of the development of the journal (“Professional”) involves strict professional reviewing and admission of purely high-quality original scientific studies of authors from around the world”

CONTENTS

R. Masalimov, Bashkir State University, Russia
NATIONAL COMMUNISM (SULTANGALIEVISM) AND NATIONAL DEMOCRACY (KEMALISM)
AS TWO VERSIONS OF MODERNIZATION OF THE TURKIC AND MUSLIM WORLD (Article 1).....3

R. Masalimov, Bashkir State University, Russia
NATIONAL COMMUNISM (SULTANGALIEVISM) AND NATIONAL DEMOCRACY
(KEMALISM) AS TWO VERSIONS OF MODERNIZATION OF THE TURKIC AND MUSLIM WORLD (Article 2).....8

N. Stepanova, Cherkassy Regional Institute of Pedagogical Employees Postgraduate Education, Ukraine
COMMUNITY AS A SOURCE OF TRUST.....11

**S. Kruchinin¹, E. Bagrova², Tyumen State Oil and Gas University- Noyabrsk institute of oil and gas, Russia¹,
Noyabrsk College of Professional and Informational Technologies, Russia²**
PREREQUISITES AND PECULIARITIES OF THE "NATIONALITY" CONCEPT CONCEPTUALISATION IN
PHILOSOPHICAL DOCTRINE OF SLAVOPHILES.....14

D. Usov, Academy of Fire Safety Named After Chernobyl Heroes, Ukraine
RATIONAL JUSTIFICATION OF MORAL PHILOSOPHY OF D. GAUTHIER.....17

**M. Treschalin¹, A. Treschalina², Lomonosov Moscow State University, Russia¹,
Institute of Public Administration Law and Innovative Technologies, Russia²**
ANALYSING THE POSSIBILITY OF NUMERICAL ASSESSMENT OF THE SPACE ENERGY INFLUENCE
ON PERSONAL GIFTEDNESS.....21

T. Poplavskaya, South-Ukrainian National Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Ukraine
HOLISTIC APPROACH TO THE RESEARCH OF MORAL AND AESTHETIC CONSCIOUSNESS NATURE.....26

E. Agapova, S. Agapova, Southern Federal University, Russia
PUBLIC CONSCIOUSNESS MANIPULATION AS A FORM OF CENSORSHIP32

T. Borisova, Dnepropetrovsk National Metallurgical Academy of Ukraine, Ukraine
PHILOSOPHICAL AND CRITICAL ANALYSIS OF THE REVOLUTIONARY AND UTOPIAN NATURE
OF CHRISTIANITY.....36

T. Voropayeva, Taras Shevchenko National University of Kiev, Ukraine
UNDERSTANDING THE MODERN UKRAINIAN NATIONAL IDEA BY UKRAINIAN CITIZENS:
AXIOLOGICAL ASPECTS.....41

I. Volkova, Odessa State Agrarian University, Ukraine
ON THE ISSUE OF CHARACTERISTICS OF POSTMODERNISM IN CULTURE.....46

CONTENTS

Масалимов Р.Н., <i>Башкирский государственный университет, Россия</i> НАЦИОНАЛ-КОММУНИЗМ (СУЛТАНГАЛИЕВИЗМ) И НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЗМ (КЕМАЛИЗМ) КАК ДВА ВАРИАНТА МОДЕРНИЗАЦИИ ТЮРКСКОГО МИРА (Статья 1).....	3
Масалимов Р.Н., <i>Башкирский государственный университет, Россия</i> НАЦИОНАЛ-КОММУНИЗМ (СУЛТАНГАЛИЕВИЗМ) И НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЗМ (КЕМАЛИЗМ) КАК ДВА ВАРИАНТА МОДЕРНИЗАЦИИ ТЮРКСКОГО МИРА (Статья 2).....	8
Степанова Н.М., <i>Черкасский областной институт последипломного образования педагогических работников Черкасского областного совета, Украина</i> СООБЩЕСТВО КАК ИСТОЧНИК ДОВЕРИЯ.....	11
Кручинин С.В.¹, Багрова Е.В.², <i>Тюменский государственный нефтегазовый университет, Ноябрьский институт нефти и газа (филиал), Россия¹, Ноябрьский колледж профессиональных и информационных технологий, Россия²</i> ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «НАРОДНОСТЬ» В ФИЛОСОФСКОМ УЧЕНИИ СЛАВЯНОФИЛОВ.....	14
Усов Д.В., <i>Черкасский институт пожарной безопасности им. Героев Чернобыля, Украина</i> РАЦИОНАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ Д. ГОТИЕРА.....	17
Трещалин М.Ю.¹, Трещалина А.В.², <i>Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия¹, Институт государственного управления, права и инновационных технологий, Россия²</i> АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТИ ЧИСЛЕННОЙ ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ КОСМИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ НА ОДАРЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ.....	21
Поплавская Т.Н., <i>Южноукраинский национальный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Украина</i> ХОЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРИРОДЫ НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ.....	26
Е. Agarova, S. Agarova, <i>Southern Federal University, Russia</i> PUBLIC CONSCIOUSNESS MANIPULATION AS A FORM OF CENSORSHIP	32
Борисова Т.В., <i>Днепропетровская национальная металлургическая академия Украины, Украина</i> ФИЛОСОФСКОКРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕВОЛЮЦИОННОЙ И УТОПИЧНОЙ ПРИРОДЫ ХРИСТИАНСТВА.....	36
Воропаева Т.С., <i>Киевский национальный университет им. Т. Шевченко, Украина</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГРАЖДАН УКРАИНЫ О СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	41
Волкова И.А., <i>Одесский государственный аграрный университет, Украина</i> К ВОПРОСУ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОСТМОДЕРНИЗМА В КУЛЬТУРЕ.....	46

NATIONAL COMMUNISM
(SULTANGALIEVISM) AND NATIONAL
DEMOCRACY (KEMALISM) AS TWO
VERSIONS OF MODERNIZATION OF THE
TURKIC AND MUSLIM WORLD

ARTICLE 1.

R. Masalimov, Candidate of History, Associate Professor
Bashkir State University, Russia

The author considers the ideological trends of first third of the XX century – “National Communism” in Russia and “National Democracy” in Turkey. An attempt is made to present Sultangalievism and Kemalism as two versions of modernization of the Turkic and Muslim world.

Keywords: Turkic world (the Turks), modernization, democracy, socialism, national communism, Sultangalievism, Kemalism.

Conference participant,
National Research Analytics Championship

НАЦИОНАЛ-КОММУНИЗМ
(СУЛТАНГАЛИЕВИЗМ)
И НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЗМ
(КЕМАЛИЗМ) КАК ДВА ВАРИАНТА
МОДЕРНИЗАЦИИ ТЮРКСКОГО МИРА

СТАТЬЯ 1.

Масалимов Р.Н., канд. ист. наук, доцент
Башкирский государственный университет, Россия

В статье рассматриваются идейные течения первой трети XX столетия как «национальный коммунизм» в России и «национальная демократия» в Турции. Предпринимается попытка представить султангалиевизм и кемализм в качестве двух вариантов модернизации тюрко-мусульманского мира.

Ключевые слова: Тюркский мир (тюрки), модернизация, демократия, социализм, национальный коммунизм, султангалиевизм, кемализм.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i9.1359>

Модернизационные процессы конца XIX – первой трети XX столетия одинаково охватили как Российскую империю целиком, так и весь тюрко-мусульманский мир, часть которого органично находилась в её составе. Естественно, тюркский мир так же, как и мусульманский мир – дар-уль-Ислам, в действительности был столь же неедин, как и Россия/СССР. Мусульманский мир казался единым благодаря тотальному доминированию одной религии/идеологии, точно так же, как Советский Союз благодаря ещё более тотальной идеологии – коммунизма. Мусульманский мир взорвала в первой трети XX в. кемалистская революция в Турции. Коммунистическая революция в России взорвала весь мир, в которой российские тюрко-мусульмане сыграли свою особую роль.

Сказать, что модернизация имела судьбоносное значение для выживания тюркских народов, значит, ничего не сказать. Современные тюрки мира стали частью глобальной политической и экономической системы, создали и/или воссоздали свои суверенные государства именно благодаря модернизации, которая началась более ста лет назад. Капиталистическая и социалистическая формы модернизации были единственными способами «строительства» современных наций, формирования современных государств, появления новых литера-

турных языков и культур. Полномасштабное решение задач модернизации равноценно формированию конкурентоспособного общества, которое будет в состоянии выйти на передовые позиции в мире и обеспечить высокие показатели благосостояния граждан.

Для ранних концепций модернизации были характерны довольно наивные технократические представления: достаточно обеспечить в определённых масштабах прилив капитала в отдалённые страны и регионы, передать им необходимые средства производства и научить ими пользоваться, как сразу начнётся рост во всех сферах [5, с. 63-64]. Такие же наивные, вульгарно-механистические были представления и модернизации своей страны у младотурков, затем и у кемалистов; о социалистической модернизации – у идеологов национал-коммунизма во главе с Мирсаитом Султангалиевым в России. Последний, буквально следуя ленинской программе РКП(б) от 1919 г., видел успех модернизации в последовательном проведении социалистической индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и проведении всеобщей «культурной революции» [4; 13].

Мусульмане-тюрки России были втянуты в модернизационные процессы, несмотря на упорное сопротивление консервативного духовенства, на рубеже XIX-XX вв. Мусульманские теологи волей-неволей должны были

примириться с мыслью, что ислам вовсе не противоречит европейской культуре и мысли; на смену идеалам, отрицавшим ценность земного мира, медленно пробуждались общественные запросы, отчасти подсказанные знакомством с европейской культурой. Важную роль при этом сыграли переводы просветителей, писателей, философов, мыслителей Западной Европы. Всё сильнее и шире начинает проявляться внимание к странам и народам Европы со стороны мусульманского населения Российской империи, в особенности тех, кто жил в европейской части России, в Поволжье и на Урале [2].

Исследователи и комментаторы, прежде всего, историки и политологи, не без основания, считают марксизм сугубо европейским явлением. Действительно, исследуя сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, написанные на немецком, французском и английском языках, нельзя не убедиться в том, что они являются событием истории именно европейской мысли и духа. Исторический опыт коммунистического строительства в нашей и некоторых других странах показывает, несмотря на его неудачи, что коммунистические идеи находят благоприятную почву довольно широко. Чем дальше от Европы, тем своеобразнее выглядит марксизм. Очевидно, что коммунизм приобретает, прежде всего, особый, *этнический*, вернее, *на-*

циональный» оттенок. То есть, выражаясь по-ленински, коммунизм просто обязан быть «выстрадан» каждым отдельным народом, каждой нацией [3; 6]. Следовательно, встаёт вопрос: имеют ли коммунистические идеи какое-либо отношение к подлинным национальным интересам. Многие исследователи, пытаясь решить эту важную проблему, связанную с преемственностью традиций и духа наций, тщетно искали аргументы, подтверждающие связь коммунизма, в частности, с джадидизмом и сионизмом. Возникла ситуация, аналогичная той, которая имела место в самом начале творения коммунистической теории молодыми Марксом и Энгельсом, когда им пришлось критиковать «христианский коммунизм», «коммунизм Христа», проповедуемый некоторыми социалистами. Естественно, нельзя даже ставить слово «джадид» рядом с понятием «революция» – хотя бы потому, что революция в её классическом марксистском понимании обязательно требовала определённого, не свойственного большей части мусульман начала XX столетия, «бунтарского образа мышления». То же самое и с основными категориями сионистской идеологии, или, в данном случае, кемализма в Турции, которые привязаны к идеям человеколюбия и извечности национальных ценностей.

Если быть объективным, то следует признать, что «национальные коммунизмы» появились практически в самой Европе сразу в ходе распространения организованного коммунистического движения. Когда марксизм ещё был просто теорией или идеей, хотя научно обоснованной в соответствии с уровнем развития науки и культуры во второй половине XIX в., он не имел национальные, вообще какие-либо пространственные, границы. Но когда немецкие, французские, английские, бельгийские, итальянские, польские, русские, еврейские и прочие социалисты начали создавать центры пропаганды и реализации марксистских идей, то появились национальные разновидности этого «интернационального» учения.

Феномен «национального коммунизма» изучен довольно слабо. Отечественные исследователи обходят

эту проблему стороной даже тогда, когда изучают непосредственно его проявления, деятельность его лидеров и идеологов [2; 7; 9]. Израильский исследователь второй половины XX в. А. Яари, социалист-реформист, в своём двухтомном труде под названием «Национальный вызов» достаточно подробно освещал национальные коммунизмы в СССР и других странах социалистического лагеря [19]. Феномен «еврейского» коммунизма в России и СССР был объектом внимания другого израильского учёного Б. Гуревитца, который замыкает его рамками социалистической партии еврейских рабочих «Поалей-Цион» [16]. Французская учёная с русскими корнями Э. Каррер д'Анкосс, изучая историю национального вопроса в СССР, не обошла вниманием «национальные» коммунизмы, противостоящие большевизму [14;15]. Интересное наблюдение взаимоотношений большевизма и «национальных» коммунизмов представил на русском языке Михаил Агурский [1]. Наиболее полно исследована история «мусульманского» коммунизма в работах А. Беннигсена, Э. Уимбуша, Ш. Лемерсье-Келькеже [12;13]. Некоторые проблемы национальных коммунизмов исследованы авторами из Индии и Китая [11; 17; 18] и др.

«Национальный коммунизм» у некоторых народов России формировался задолго до революции 1917 г. Например, марксистская еврейская партия Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) возникла раньше самой РСДРП, в сентябре 1897 г. Среди рабочих и интеллигенции нерусских национальностей коммунистические идеи быстро распространяются в период первой российской революции и после неё. После Февральской революции коммунистические организации активизируются на всём пространстве бывшей Российской империи и даже за её пределами (в Иране, Китае, Турции). Наиболее активными были еврейские («боруховизм»), польско-литовские, мусульманские (татарские, казахские, азербайджанские, башкирские и др.), украинские, грузинские, финские, латышские коммунисты.

Именно в период двух революций в России были заложены основы такого феномена, как «национальный коммунизм» в истинном смысле слова. Октябрьский переворот в Петрограде и победа большевизма – русского национального коммунизма – в России дали стимул национальным коммунистам нерусских народов для организационного оформления и практических действий. В Турции кемалисты тоже создали «национальную» коммунистическую партию в противовес КПТ, созданной в России и находившейся под непосредственным влиянием русских большевиков и Коминтерна. Поскольку в нашу задачу не входит подробное изложение истории создания национальных коммунистических организаций и национальных секций при комитетах РКП(б), я ограничусь лишь замечанием, что деятельность «национальных коммунизмов» в России началась именно в 1918 г. и продолжалась до конца 1928 г., когда они были ликвидированы в результате окончательной победы большевизма [4].

Речь пойдёт об организованном выступлении на политическую арену в 1918–1919 гг. представителей РКП(б), в основном из мусульман тюркских национальностей, которые добивались создания независимых национальных коммунистических партий, самостоятельных политических структур власти на местах компактного проживания народов, а некоторые – даже собственных национальных вооружённых сил и т. д. Проповедниками и сторонниками национально-коммунистических взглядов были Мирсаид Султангалиев, татарин – уроженец Башкортостана; казах Ахмед Байтурсунов; Исмаил Фирдевс, татарин из Крыма; Дадаш Буннатзаде из Азербайджана, башкир Ахметзаки Валидов, Турар Рыскулов из Туркестана и т.д. Вождём и идеологом мусульманских коммунистов становится яркая личность и неутомимый борец за интересы тюрков-мусульман России Мирсаид Хайдаргалиевич Султангалиев (1892-1940).

Мусульманские коммунисты были людьми революционных взглядов, присоединившихся к марксистам-ленинцам из-за убеждения в том, что

создание коммунистического общества само собой приведёт к уничтожению национального гнёта и социального неравенства. Мусульманским коммунистам было характерно непонимание или игнорирование важных различий между социально-экономическими условиями в странах развитого и/или среднеразвитого капитализма и докапиталистической (вернее, **не**капиталистической) обстановкой в большинстве стран мусульманского Востока. Поэтому порою они занимали крайне левые позиции по некоторым вопросам стратегии и тактики революционного движения. Идеологи мусульманского коммунизма выдвигали на первый план национальные интересы, оставляя на второй план такие положения марксизма, как примат классовой борьбы, идея диктатуры пролетариата, интернационализм, уничтожение частной собственности в любых её видах и т.п.

Влияние М. Султангалиева распространилось за короткое время по всем мусульманским регионам России, затем вышло за её пределы. Его влияние фактически распространилось на Закавказье, Иран, Турцию, Ближний Восток, Египет. Не только благодаря высоким постам – он был членом коллегии Наркомнаца, заместителем наркома И. Сталина, членом Центрального бюро мусульманских коммунистических организаций при ЦК РКП(б), а потом и председателем Цебюро коммунистов народов Востока при ЦК РКП(б), – но и благодаря своим личным качествам и убеждённости в правоте своих национально-коммунистических взглядов. В письме членам Центральной контрольной комиссии, написанной в мае 1923 г. из тюрьмы, он выразил суть национально-коммунистической идеологии: «Мы признавали революционное значение в международном масштабе национально-освободительного движения колоний и полуколоний, но в то же время говорили о необходимости борьбы с **панисламизмом, пантюркизмом, паназиатизмом** и т.д. Это было всё равно, что мы бы сказали: классовую борьбу европейского пролетариата надо поддерживать, но надо бороться с **коммунизмом**. Этой самой второй половиной нашей революции

мы наполовину убивали значение первой её части, не говоря уже о чисто декларативной её нетактичности» [Султангалиев, с. 345] (выделены мною. – **Р.М.**).

Надо сказать, мусульманский мир для классиков марксизма не являлся объектом серьёзного изучения. О мусульманском мире К. Марксом сказано немного, и большинство из того, что он говорил по данному вопросу, носило негативный характер, и потому не обеспечивало базы для советской стратегии, которая со времён возвышения Сталина (с 1922 г.) развивалась в русле русских великодержавных интересов. В.И. Ленин же, заинтересованный в использовании радикального потенциала угнетённых народов в революции, иногда снижало до мусульман. В докладе о революции 1905 г. он говорил: ««среди угнетённых народов России вспыхнуло освободительное движение... Например, мусульмане, составляющие десятки миллионов населения России, с изумительной быстротой организовали... тогда мусульманский союз» [Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 323]. Речь шла о первой политической партии мусульман внутренней России – татарской буржуазной партии «Союз мусульман» («Мосельманнар иттифагы» – «Аль-Иттифак аль-муслимин»). Созданной в 1905 г. в Поволжье. В отличие от классиков марксизма прагматичный Ленин, а вслед за ним и его последователи придавали особое значение этническому и религиозному фактору в социальных и революционных процессах. Так, Ленин прямо указывал, что «...кроме классовых различий, и другие различия, например, религиозные, национальные и пр. – влияют на образование партий» [Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 270]. Вождь коммунистов, естественно, давал однозначно отрицательную характеристику панисламизму и пантюркизму. Это были течения, согласно Ленину, пытавшиеся «соединить освободительное движение с укреплением позиции ханов, помещиков, мулл и т.п.» [Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 166].

Что касается И.В. Сталина, то известно, что он вплоть до 30-х годов придерживался мысли, что нельзя

предсказать, когда произойдёт исчезновение национальных различий и национальных языков, «слияние наций и образование единого общего языка». «В том-то дело, что ликвидация буржуазных наций означает не ликвидацию наций вообще, а ликвидацию всего лишь буржуазных наций, – писал он 18 марта 1929 г. – На развалинах старых, буржуазных наций возникают и развиваются новые, социалистические нации, являющиеся гораздо более сплочёнными, чем любая буржуазная нация, ибо они свободны от непримиримых классовых противоречий, разъедающих буржуазные нации, и являются гораздо более общенародными, чем любая буржуазная нация» [Сталин И.В. Соч., т. 11, с. 340-341]. А как быть с **небуржуазными** нациями Востока, «отец всех народов и времён» ничего не сказал.

Длительное противостояние Советов с национальными движениями в окраинах (не только, но и в Поволжье и на Урале – почти в центре), поражение национальных коммунистов в Иране и Турции показали глубокую ошибочность восточной политики Коминтерна, основанной на ленинских и троцкистских положениях о мировой революции под эгидой европейского пролетариата.

Как известно, Ленин летом 1920 г. писал тезисы по национальному и колониальному вопросам ко Второму конгрессу Коминтерна. Предлагая на обсуждение первоначальный вариант тезисов, он просил тех деятелей, которые осведомлены конкретно по тем или иным вопросам, «дать свой отзыв или дополнение или конкретное пояснение в **самой краткой (не более 2-3 страничек) форме**» [Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 161]. Отзывы были получены Лениным от Г. Чичерина, Н. Крестинского, И. Сталина, М. Рафеса и других, среди которых было несколько восточных коммунистов – Султангалиев, Рыскулов, Валидов. Надо сказать, что весьма интересные соображения в духе национального коммунизма дали М. Султангалиев и А. Валидов, хотя они вождём русского коммунизма фактически не были учтены [Тоған, с. 373]. По важнейшим вопросам большевистские лидеры с восточными коммунистами всерьёз не советовались. Это хорошо

видно даже из дискуссии перед и во время вышеназванного конгресса Коминтерна.

Мирсаид Султангалиев был первым ответственным работником-коммунистом высшего эшелона, арестованным после революции, а Иосиф Сталин был инициатором этого ареста, как и инициатором разгрома мусульманского коммунизма в России. Он же возглавил разгром украинского и грузинского коммунизма. Ленин встал на защиту национальных коммунистов и даже поставил вопрос о целесообразности поспешного объединения социалистических республик в Союз ССР, против чего выступали нацкоммунисты. Но из-за болезни вождя и отхода его от дел национальный коммунизм под предлогом борьбы с «национальными уклонами» был разгромлен. Национальные коммунисты в дальнейшем пополняли контингент репрессированных.

References:

1. Agurskij M. Ideologija nacionalbol'shevizma [Ideology of the National Bolshevism]. – Moskva, 2003.
2. Ishakov S.M. Rossijskie musul'mane i revoljucija (vesna 1917 g. – leto 1918 g.) [Russian Muslims and the revolution (spring, 1917 – summer, 1918)]. – Moskva, 2003.
3. Masalimov R.N. «Nacional'nyj kommunizm» v Povolzh'e i na Urале (1918-1928 gg.) [«National communism» in Volga region and Urals (1918-1928)], Istorija i istoriki v Kazanskom universitete: k 125-letiju Obshhestva arheologii, istorii i jetnografii pri Kazanskom universitete: Sbornik nauchnyh statej i soobshhenij [History and historians in the Kazan university: to the 125th anniversary of the Archeology, History and Ethnography Society in the Kazan university: collection of scientific papers and reports]. – Part II. – Kazan', 2005.
4. Masalimov R. «Jetnizacija» revoljucionnyh processov (Na primere Povolzh'ja i Juzhnogo Urала) [«Ethnisation» of revolutionary processes (on the example of Volga region and South Urals)], Vatan dash-Sootechestvennik-Compatriot. – 1998., No. 7.
5. Pozdjaeva S. Modernizacija kak paradigma social'nogo razviti ja sovremennoj Rossii [Modernization as a paradigm of social development of modern Russia], Vatan dash-Sootechestvennik-Compatriot. – 2011. – No. 5.
6. Stroeв S. Nacional'nyj kommunizm [National communism]. – 2005., Access mode: <http://www.russoc.by.ru/Doctrina/Nackom.htm>.
7. Sultanbekov B. Istorija Tatarstana: Stalin i «tatarskij sled» [History of Tatarstan: Stalin and «Tatar trace»]. – Kazan', 1992.
8. Sultangaliev M.H. Stat'i, vystuplenija, dokumenty [Articles, performances, documents]. – Kazan', 1992.
9. Sultanov F.M. Tatarskoe nacional'noe dvizhenie: istorija i sovremennost' [Tatar national movement: history and present]. – Kazan', 2000.
10. Togan Zaki Validi. Vospominanija [Memoirs], Book 1. – Ufa, 1994.
11. Bairathi Shashi. Communism and Nationalism in India: A Study in Interrelationship, 1919-1947. – Delhi, 1987.
12. Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. Sultangaliev, le père de la revolution tiers-mondiste. – Paris., 1986.
13. Bennigsen A.A., Wimbush S.E. Muslim National Communism in the Soviet Union. – Chicago-London., 1979. <http://dx.doi.org/10.2307/2617945>
14. Carrère d'Encausse H. Islam and the Russian Empire: Reform and revolution in Central Asia. Berkeley, 1988. <http://dx.doi.org/10.1163/187633190x01209>
15. Carrère d'Encausse H. Unité prolétarienne et diversité nationale: Lénine et la théorie de l'autodétermination., Revue française de science politique. – 1971., Vol. 21., No 2. <http://dx.doi.org/10.3406/rfsp.1971.418048>
16. Gurevitz B. Un cas de communisme national en Union Soviétique: Le Poalé Zion, 1918-1928., Cahiers du Monde russe et soviétique. – 1974., Vol. XV., No 3-4. <http://dx.doi.org/10.3406/cmr.1974.1211>
17. Näth M.-L. Nationalismus und Kommunismus in der Volksrepublik China., Nationalismus in der Welt: Geschichte und Gesellschaft. – Sonderheft 8. – Göttingen., 1982.
18. Tulsiram. Soviet Policy towards Communist Movement in Asia: A Case Study of Iran. 1917-1949. – New Delhi., 1985.
19. Yaari A. Le défi national. – Vol. 1: Les théories marxistes sur la question nationale à l'épreuve de l'Histoire. – P., 1978; Vol. 2: Les révolutions éclatées. – Paris., 1979.

Литература:

1. Агурский М. Идеология национал-большевизма. – М., 2003.
2. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). – М., 2003.
3. Масалимов Р.Н. «Национальный коммунизм» в Поволжье и на Урале (1918-1928 гг.), История и историки в Казанском университете: к 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете: Сборник научных статей и сообщений. – Часть II. – Казань., 2005.
4. Масалимов Р. «Этнизация» революционных процессов (На примере Поволжья и Южного Урала), Ватан dash-Сотечественник-Compatriot. – 1998., № 7.
5. Поздьяева С. Модернизация как парадигма социального развития современной России., Ватан dash-Сотечественник-Compatriot. – 2011. – № 5.
6. Строев С. Национальный коммунизм. – 2005., URL: <http://www.russoc.by.ru/Doctrina/Nackom.htm>.
7. Султанбеков Б. История Татарстана: Сталин и «татарский след». – Казань., 1992.
8. Султангалиев М.Х. Статьи, выступления, документы. – Казань., 1992.
9. Султанов Ф.М. Татарское национальное движение: история и современность. – Казань, 2000.
10. Тоган Заки Валиди. Воспоминания., Кн. 1. – Уфа, 1994.
11. Bairathi Shashi. Communism and Nationalism in India: A Study in Interrelationship, 1919-1947. – Delhi, 1987.
12. Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. Sultangaliev, le père de

la revolution tiers-mondiste. – P., 1986.

13. Bennigsen A.A., Wimbush S.E. Muslim National Communism in the Soviet Union. – Chicago-London. 1979. <http://dx.doi.org/10.2307/2617945>

14. Carrère d'Encausse H. Islam and the Russian Empire: Reform and revolution in Central Asia. Berkeley, 1988. <http://dx.doi.org/10.1163/187633190x01209>

15. Carrère d'Encausse H. Unité prolétarienne et diversité nationale: Lénine et la théorie de l'autodétermination., Revue

française de science politique. – 1971., Vol. 21., No 2. <http://dx.doi.org/10.3406/rfsp.1971.418048>

16. Gurevitz B. Un cas de communisme national en Union Soviétique: Le Poalé Zion, 1918-1928., Cahiers du Monde russe et soviétique. – 1974., Vol. XV., No 3-4. <http://dx.doi.org/10.3406/cmr.1974.1211>

17. Nāth M.-L. Nationalismus und Kommunismus in der Volksrepublik China., Nationalismus in der Welt: Geschichte und Gesellschaft. – Sonderheft 8. – Göttingen., 1982.

18. Tulsiram. Soviet Policy towards Communist Movement in Asia: A Case Study of Iran. 1917-1949. – New Delhi., 1985.

19. Yaari A. Le défi national. – Vol. 1: Les théories marxistes sur la question nationale à l'épreuve de l'Histoire. – P., 1978; Vol. 2: Les révolutions éclatées. – P., 1979.

Information about author:

1. Riyaz Masalimov - Candidate of History, Associate Professor, Bashkir State University; address: Russia, Birk city; e-mail: istfak10@mail.ru

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONGRESS

Multisectoral scientific-analytical forum for professional scientists and practitioners

Main goals of the IASHE scientific Congresses:

- Promotion of development of international scientific communications and cooperation of scientists of different countries;
- Promotion of scientific progress through the discussion comprehension and collateral overcoming of urgent problems of modern science by scientists of different countries;
- Active distribution of the advanced ideas in various fields of science.

FOR ADDITIONAL INFORMATION PLEASE CONTACT US:

www: <http://gisap.eu>

e-mail: congress@gisap.eu

NATIONAL COMMUNISM
(SULTANGALIEVISM) AND NATIONAL
DEMOCRACY (KEMALISM) AS TWO
VERSIONS OF MODERNIZATION OF THE
TURKIC AND MUSLIM WORLD
ARTICLE 2.

R. Masalimov, Candidate of History, Associate Professor
Bashkir State University, Russia

The author considers the ideological trends of first third of the XX century – “National Communism” in Russia and “National Democracy” in Turkey. An attempt is made to present Sultangalievism and Kemalism as two versions of modernization of the Turkic and Muslim world.

Keywords: Turkic world (the Turks), modernization, democracy, socialism, national communism, Sultangalievism, Kemalism.

Conference participant,
National Research Analytics Championship

НАЦИОНАЛ-КОММУНИЗМ
(СУЛТАНГАЛИЕВИЗМ)
И НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЗМ
(КЕМАЛИЗМ) КАК ДВА ВАРИАНТА
МОДЕРНИЗАЦИИ ТЮРКСКОГО МИРА
СТАТЬЯ 2.

Масалимов Р.Н., канд. ист. наук, доцент
Башкирский государственный университет, Россия

В статье рассматриваются идейные течения первой трети XX столетия как «национальный коммунизм» в России и «национальная демократия» в Турции. Предпринимается попытка представить султангалиевизм и кемализм в качестве двух вариантов модернизации тюрко-мусульманского мира.

Ключевые слова: Тюркский мир (тюрки), модернизация, демократия, социализм, национальный коммунизм, султангалиевизм, кемализм.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i9.1360>

Совершенно иной тип модернизации восточного общества представляет идеи Мустафы Кемалья Атаюрка – вождя кемалистской революции в Турции. Между “мусульманским” коммунизмом и кемализмом не могло быть ничего общего. Хотя они представляли два варианта одного и того же процесса. “Мусульманские” коммунисты были членами тоталитарной партии в тоталитарной системе. Они могли иметь общее только с коммунистической партией Турции Мустафы Субхи, которая потерпела фиаско в своей стране [1, с. 236-237].

Но всё же, при внимательном изучении, в историческом развитии однотипных социумов обнаруживается много общего. Тюрко-мусульманский “национальный” коммунизм в России фактически был плодом европейского просвещения на азиатской почве и джадидизма, практики эмансипации на основе чуждой для мусульман идеологии марксизма. Большинство лидеров и участников “мусульманского” коммунизма были воспитанниками джадидистских медресе и прогрессивных мусульманских просветителей. Условно можно сказать, что “национальный” коммунизм был вторым и последним этапом освободительного движения мусульман-тюрков России, полностью подпавшего под контроль русского большевизма.

Кемализм также был идеологией второго этапа развития освободитель-

ной борьбы турков. Узко-националистическая идеология первого этапа турецкой революции – младотурецкой революции 1908-1909 гг. – очень скоро перестала отвечать запросам турецкого общества, поскольку она была идеологией лишь поднимающей турецкой буржуазии и военной касты. Кемализм же опирался на весь народ, выражал интересы народных масс, прежде всего, крестьян, рабочих и интеллигенции, в том числе прогрессивной части военных. Ради справедливости надо отметить, что в целом национально-освободительное движение в Турции возглавляла азиатская буржуазия: она была заинтересована в государственной независимости, что сулило ей укрепление экономических и политических позиций в Малой Азии.

Ещё одно сходство рассматриваемых двух идеологий: и кемализм, и тюрко-мусульманский коммунизм были идеологиями светскими. “Мусульманский” коммунизм в России не смог привлечь на свою сторону части российских мусульман (курбангалиевцы, валидовцы, басмачество и др.). Точно так же и кемализм, встав на путь лаицизма и европеизации, отрезал от себя часть мусульман-суннитов. Ещё предшественники кемалистов – младотурки, встав на путь пантюркизма, лишили арабов Османской империи всяких надежд на политическое участие. Парижский комитет “Арабская

независимость”, созданный сирийскими патриотами ещё до революции 1908 г., отмечал, что недостойно арабской нации, которая носила древнюю культуру, “стонать под игом представителей грубой силы” [3, с. 107].

Мустафа Кемаль отказался от младотурецкого понятия “türkçülük” (тюркизм), заменив его новым понятием “milliyetçilik” (национализм). Вместе с тем он различал нацию (millet - миллет) и народ (halk - хальк). Когда говорил он о нации, то выдвигал на первое место национальную солидарность, единство интересов всех слоёв и групп народа, отсутствие классовых антагонизмов и т.д. А народ, по М. Кемалю, это трудящиеся, материальные интересы которых не противостоят друг другу. В этом обнаруживается его стремление доказать неклассовый характер турецкого национализма, что сближает его не с “мусульманскими” коммунистами, а с буржуазными националистами, с национальными демократами.

Примечательно, вот что он заявлял: “Нация и представляющее её правительство, естественно, желают благополучия и счастья всем иноверцам, где бы они не жили... Мы видим, что и все мусульмане столь же заинтересованы в нашем счастье. Это проявляется каждодневно. Но управлять и руководить всем мусульманским обществом из одного центра как им-

перий, как одной большой империей – это фантазия! Это противоречит науке, знанию, логике» [1, с. 160]. Это неотразимый аргумент демократической сущности кемализма.

Тоталитарные партии могут существовать и в рамках плюралистических режимов: например, коммунистические партии в западных странах и Японии. Их присутствие явно изменяет плюралистическую структуру и представляет для неё очевидную угрозу, ибо естественное предназначение всякой тоталитарной партии – превращение в единственную. И наоборот: некоторые единственные партии практически не являются тоталитарными – ни по своей философии, ни по своей структуре. Наилучший пример тому именно партия М. Кемалья Ататюрка - Народно-Республиканская партия в Турции, которая с 1923 г. по 1946 г. функционировала в качестве единственной. Первая её особенность состояла в её демократической идеологии. Ей ни в какой степени не свойствен характер ордена или церкви, присущий её коммунистическим и/или фашистским подобиям. Она не предписывала своим членам ни единой веры, ни единой политики: кемалистская революция по своей сущности была прагматической. Она состояла в «вестернизации» Турции путём борьбы против главного препятствия, стоящего на пути модернизации стран Среднего Востока, – ислама. Антиклерикализм и рационализм кадров этой партии определённо сближает её с либералами XIX в.; даже их национализм не так уж отличается от тех национальных чувств, что волновали Европу в 1848 г. Менталитет этой партии иногда сравнивают с менталитетом французских радикал-социалистов в их лучшие времена, и в этом есть свой смысл. Даже само название республиканской гораздо больше роднит её с французской Революцией и терминологией XIX в., чем с авторитарными режимами XX в. Это сходство подтверждается и турецкой конституцией, предоставляющей всю полноту полномочий Великому национальному собранию – по примеру Конвента, в своё время отказавшегося создать особую исполнительную власть. Названная конституция цели-

ком основана на принципе национального суверенитета, который она чётко и ясно провозглашает: «Суверенитет принадлежит нации без каких-либо ограничений». Апологию власти, столь привычную для фашистских режимов, в кемалистской Турции заменила апология демократии: не той «новой», которую подают в качестве «народной» или «социальной», но просто традиционной политической демократии. Своё право управлять партия не выводила ни из своего элитарного (в политическом смысле) характера, ни из «передовых позиций рабочего класса», ни из провиденциальной природы своего вождя – а просто из того факта, что она добилась большинства на выборах.

Большинство, разумеется, было ей гарантировано – ведь за народные голоса боролся только один кандидат; но это уже другой аспект проблемы. Данное обстоятельство, кстати, рассматривалось не как идеал, но как печальная и временная необходимость. Однопартийный режим никогда не основывался здесь на доктрине единственной партии. Этой монополии не придавался официальный характер, её не пытались оправдать существованием бесклассового общества или стремлением устранить парламентские столкновения и либеральную демократию. Монополия здесь всегда называлась монополией, и её почти стыдились. В отличие от коммунистических или фашистских партий, которые считали себя образцом для подражания, эта партия расценивала свою единственность как нечто отрицательное. Идеалом её руководителей оставался плюрализм; монополия же вытекала из специфической политической ситуации Турции. М. Кемаль не раз пытался положить ей конец: один этот штрих глубоко показателен. Ничего подобного нельзя даже представить в гитлеровской Германии или фашистской Италии. В 1924 г. прогрессистская партия Кязима Карабекира предприняла первую попытку учреждения плюрализма, которая закончилась введением после восстания курдов в 1925 г. осадного положения и изгнанием депутатов-прогрессистов из ВНСТ. В 1930 г. М. Кемаль Ататюрк поручил создать из её остатков

либеральную партию для своего друга Фетхи-бея, посланника в Париже, специально отозванного оттуда по такому случаю; но эта оппозиция стала местом сосредоточения противников режима, особенно клерикалов и религиозных фанатиков, и была распущена. В 1935 г. с согласия республиканской народной партии были введены выборы независимых кандидатов. Нередко эти усилия связывают с попыткой создать оппозицию. Так или иначе, все это означает, что М. Кемаль рассматривал плюрализм как высшую ценность и действовал в рамках плюралистической философии государства.

Турецкий национал-демократизм, как и национал-коммунизм в тюркомусульманском мире, был проявлением этнической дифференциации эпохи индустриализации и модернизации. Весьма интересно, что в самом арабском мире в этот период зарождается арабский этнический национализм, постепенно формируется секуляристское, по сути, политическое движение [4, с. 159-162].

Иногда кажется, что корни кемализма, и национал-коммунизма тюркских народов России идут от азиатского менталитета, высшим проявлением которого был гандизм. Правда, сами идеологи кемализма и коммунизма открыто этого не могли признать, по известным причинам. Доктрина и тех, и других требовала отказа от принципов ненасилия в борьбе за национальное и социальное освобождение. В это время Махатма Ганди писал: «Два пути открыты перед Индией: следовать западному принципу «сила – это право» или придерживаться восточного принципа, согласно которому только истина побеждает; истина не знает поражений, сильный и слабый имеют одинаковое право на справедливость» [2, с. 51]. Восхищает то, каким толерантным и гуманным деятелем был великий Ганди. Но больше всего поражает его гениальное предвидение. «Я горжусь своим союзом с мусульманами, – писал он. – Ислам не отрицает бога. Ислам – это признание одного высшего божества. Даже худшие из клеветников ислама никогда не обвиняли его в атеизме. Следовательно, если большевизм – это атеизм, между ним и исламом не может быть ничего общего. В таком случае они должны схватиться

на смерть. Это будет объятие противников, а не друзей» [2, с. 51].

В заключение необходимо остановиться на весьма щепетильной стороне практики национал-демократизма и национал-коммунизма. На это мало кто обращает внимание. В первой трети XX в. в демократической веймарской Германии появился «национал-социализм». В своей борьбе за влияние на широкие массы немецкого рабочего класса, среднего класса и деклассированных слоёв партия Адольфа Гитлера неизбежно вступила в столкновение со своим главным соперником на этом пространстве – интернационалистической КПГ. В то же время, провозгласив в качестве одного из своих важнейших программных требований завоевание «жизненного пространства», Гитлер в своей книге «Mein Kampf» раскрыл свои карты, объявив главной целью своей территориальной экспансии СССР, прежде всего, Украину с Крымом. И вместе с тем в доктрине сталинизма – национал-большевизма и доктрине гитлеризма – национал-социализма было очень много общего. Ещё до своего прихода к власти Адольф Гитлер говорил Герману Раушнингу: «Вообще-то между нами и большевиками больше объединяющего, чем разделяющего. Из мелкобуржуазного социал-демократа и профсоюзного бонзы никогда не выйдет настоящего национал-социалиста, из коммуниста – всегда» [3, с. 18]. И действительно, в 1920-1930-е гг. та-

кие переходы из коммунистов в нацисты и обратно не было редкостью. Я уже писал, что в гитлеровском Третьем Рейхе и сталинистском СССР многое поразительным образом совпадало.

Итак, исторический опыт национал-коммунистов и кемалистов имеет огромное значение для современности. Этот опыт предупреждает, что стремление навязать национальной жизни любого народа одного лишь «единственно верного учения», одной только идеологии не имеет перспектив; «национальный коммунизм», как и «интернациональный», и кемализм, трансформировавшийся во французскую разновидность буржуазного демократизма, ведут лишь к историческому тупику. Национальная жизнь должна быть полнокровной, многообразной, свободной, плюралистической. В ней ни одна идеология, ни одна религия не должна претендовать на господство. И кемализм, и национальный коммунизм были лишь двумя сторонами одного и того же процесса – радикализации движений народов за национальную и социальную эмансипацию в конкретный период их истории.

References:

1. Kilasov R.K. Burzhuzaznye revoljucii v Turcii v pervoj chetverti XX veka: Dva jetapa tureckogo revoljucionnogo dvizhenija [Bourgeois revolutions in Turkey in the first quarter of the XX century: two stages of the

Turkish revolutionary movement]. – Mahachkala., 1990.

2. Masalimov R.N., Panfilov V.E. Fenomen «nacional'no kommunizma» v Povolzh'e i na Urale (1918-1928 gg.) [Phenomenon of «national communism» in Volga region and Urals (1918-1928)], Vestnik Birskej gosudarstvennoj social'no-pedagogicheskoj akademii [Bulletin of Birskey state social and pedagogical academy]. – Ser. Social'no-gumanitarnye nauki [Series: Social and humanitarian sciences]. – 2005., Issue 5.

3. Fradkin I.M. Gitler: slovesnyj portret [Hitler: description], Piker G. Zastol'nye razgovory Gitlera [Tabletalks of Hitler]. – Smolensk., 1993.

4. Massalimov Rijas N., Donster Sakira-Lise. Die Anfangsstufe der Politisierung des Islams., Aktual'nye problemy istoricheskoi nauki i istoricheskogo obrazovanija: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii [Urgent problems of historical science and historical education: Materials of the International scientific and practical conference], Part I. – Birsck., 2008.

Литература:

1. Киласов Р.К. Буржуазные революции в Турции в первой четверти XX века: Два этапа турецкого революционного движения. – Махачкала., 1990.

2. Масалимов Р.Н., Панфилов В.Е. Феномен «национального коммунизма» в Поволжье и на Урале (1918-1928 гг.), Вестник Бирской государственной социально-педагогической академии. – Сер. Социально-гуманитарные науки. – 2005., Вып. 5.

3. Фрадкин И.М. Гитлер: словесный портрет, Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. – Смоленск., 1993.

4. Massalimov Rijas N., Donster Sakira-Lise. Die Anfangsstufe der Politisierung des Islams., Актуальные проблемы исторической науки и исторического образования: Материалы Международной научно-практической конференции., Часть I. – Бирск., 2008.

Information about author:

1. Riyaz Masalimov - Candidate of History, Associate Professor, Bashkir State University; address: Russia, Birsck city; e-mail: istfak10@mail.ru

COMMUNITY AS A SOURCE OF TRUST

N. Stepanova, Candidate of Philosophy, Associate Professor
Cherkassy Regional Institute of Pedagogical Employees
Postgraduate Education, Ukraine

This paper is devoted to the analysis of philosophical sources of the concepts of community as a source of trust. The relation between the concept of «trust» and the concepts of «nature of community» and «values» has been analysed.

Keywords: trust, community, values.

Conference participant,
National Research Analytics Championship

СООБЩЕСТВО КАК ИСТОЧНИК ДОВЕРИЯ

Степанова Н.М., канд. филос. наук
Черкасский областной институт последипломного
образования педагогических работников Черкасского
областного совета, Украина

Статья посвящена анализу философских истоков концепций сообщества как источника доверия. Проанализирована связь понятия «доверия» с понятием «природы сообщества» и «ценностями».

Ключевые слова: доверие, сообщество, ценности.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i9.1361>

Как можно определить роль доверия в организации сообщества: это некий «довесок» к успешно функционирующему сообществу, качество, которое определяет хорошо развитые, успешные сообщества, или, может, наоборот, именно благодаря доверию возможно образование сообществ и их развитие. Ответ на этот вопрос можно дать, если обратиться сначала к точке зрения функционализма и исследовать вопрос природы организации и развития сообществ, которым занимались едва ли не все представители мировых школ социальной философии и смежных с ней дисциплин.

Одна из современных концепций человека и общества, которая представляет философию природо-биосфероцентризма, показывает человеческое сообщество как продукт индивидуального взаимодействия [2, с. 47]. Это концепция методологического индивидуализма, что, по словам Карла Поппера, является неопровергнутой доктриной, согласно которой любое коллективное явление следует понимать как результат действий, взаимодействий, цели, надежд и мнений отдельных людей и как результат созданных и сохраненных ими традиций [3, с. 344-348].

Американский социолог Толкотт Парсонс считает, что сообщество составляет социальную систему, которая характеризуется относительной самостоятельностью, уравновешенной территорией, экономическими ресурсами, воспитанием и социализацией населения и культуры [5, с. 221]. На основе такого анализа философ при-

ходит к пониманию человеческого действия как самоорганизующейся системы, специфику которой, в отличие от системы физической и биологической, он видит, во-первых, в символичности, то есть в наличии таких символических механизмов регуляции, как язык, ценности (честность, добропорядочность, доверие и т.д.), во-вторых, в нормативности, то есть в зависимости индивидуального действия от общепринятых ценностей и норм (соблюдение в обществе норм морали и законов), наконец, в волюнтаризме, то есть определенной иррациональности и независимости от условий среды и, в то же время, в зависимости от субъективных «условий ситуации» [5, с. 223].

Эдвард Шилз, соотечественник Парсонса, указывает, что главными факторами существования сообщества является центральная власть, согласие и территориальная целостность [5, с. 334]. В таком же контексте рассматривают сообщество немецкий философ Георг Шиллер – «целостная система социальных отношений» [126, с. 341] и российский исследователь Леонид Жаров – «организованная деятельность групп людей, объединенных общими интересами и договором» [5, с. 123].

В философской литературе классическим определением сообщества является определение, предложенное Р. Хамманом [4, с.56]. Он выделяет такие существенные характеристики объединения: это группа людей, которые вступают в регулярное социальное взаимодействие, имеют опреде-

ленные связи между собой и другими членами группы, обладают общей территорией, по крайней мере – определенное время.

Подытоживая указанные определения, приходим к итогу, что существенными чертами сообщества, как социальной организации являются

- отношения «человек – человек» и «человек – группа», которые возникают на основе общения, взаимной привязанности, общих интересов, доверия и тому подобное;
- принятые в группе нормы поведения;
- деятельность, направленная на обеспечение условий для согласованных действий, кооперации и интеграции индивидов в группе.

Такое понимание сообщества указывает, что человек всегда является собственником, хозяином своей судьбы, но вместе с тем, он не может выйти за пределы обстоятельств существования, отделиться от условий общественного бытия. А атмосфера доверия при этом выступает необходимым условием человеческой жизни.

В своих предыдущих исследованиях, мы неоднократно приходили к выводу, что доверие выступает как составляющая основы всех социальных институтов. Из таких соображений доверие можно рассматривать под углом ценностных ориентаций: как веру в порядочность, доброжелательность другого человека или, в критических ситуациях, как принадлежность к одному и тому же сообществу, что, в свою очередь, требует от субъектов солидарности. И как черту пове-

дения: доверие понимается в смысле готовности следовать правилам игры, принятым в обществе, например, отдавать долги, выполнять должностные обязанности, следовать принятым обычаям. Эти две роли связаны между собой, но не пропорциональны друг другу. Уровни требований к выполнению правил в разных обществах существенно отличаются друг от друга [1, с. 78].

С первых шагов жизни человек оказывается под влиянием доминирующих в сообществе норм, ценностей, образцов поведения, социальных институтов, которые действуют на основе взаимного доверия. Очень интересны философские выводы А. Шопенгауэра в этом плане. Исследователь изучал проблему свободы воли, и хотя его называют «великим моралистом», все же идеи автора и сегодня можно назвать утопичными: в рамках современной демократической культуры человек не может оставаться полностью независимым, мы живем в рамках установок, правил, законов, подчиненные идеалам, ценностям, которые, в свою очередь, и поглощают внутреннюю свободу человека, данную ему от рождения [7].

Впервые мы узнаем о мире от наших родителей, затем наше мировоззрение растет в процессе общения с окружающим миром. Исторический анализ показывает, что доверие является очень древним социальным феноменом. Человеческие сообщества зависят от взаимного доверия и не возникают естественным образом, если оно отсутствует. Таким образом, социальные, исторические корни доверия достигают особенностей жизнедеятельности людей в первичных объединениях. Будучи коллективным субъектом жизнедеятельности и находясь в условиях внешней угрозы и опасностей, первичное человеческое сообщество развивалось и интегрировалось на основе внутригруппового доверия. Общественная природа доверия заключалась в единстве и согласии, в соответствии определенных интересов и поведения людей на основе взаимопонимания [1, с. 83].

Атмосфера доверия в обществе формируется на основе доминирования интегративных тенденций, консолидации социальных групп на базе

значимых социальных ценностей и норм поведения. Большое значение для распространения атмосферы и культуры доверия в обществе играет наличие четкой законодательной базы и соблюдения правовых норм взаимоотношений между людьми [1, с. 102].

В каждом сообществе приняты свои ценности. Наряду с ними существуют также общечеловеческие, которые обеспечивают целостность социальных систем, способность их к выживанию в переходные периоды. Иерархия ценностей, которых придерживается каждый член сообщества, должна совпадать с ценностями группы, в рамках которой он живет и действует, и взаимно, ценности сообщества должны учитывать интересы каждого индивида объединения. Такой тезис подтверждает и позиция Ф. Фукуямы, который отмечает, что «в каждой группе отношения должны формироваться на доверии, то есть ожиданиях членов сообщества на то, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с уважением потребностей окружающих, в соответствии с определенными общественными нормами» [6, с. 213].

По нашему мнению, как раз с позиций социальной философии функциональные зависимости следует соотносить с ценностными характеристиками общества, а именно в случае сообществ – синергетический эффект оснований выживания сообщества наблюдаем в социальном феномене доверия – одни сообщества вызывают доверие у индивидов, то есть представляют для них определенную ценность, а другие – не представляют вовсе, либо представляют в значительно меньшей степени. Функционально это означает, что сумма функциональной целесообразности одних сообществ выше, чем других, и хотя проследить все функциональные связи индивидов в сообществе до последнего – дело, которое превышает возможности человеческого познания (даже усиленного калькуляцией искусственного интеллекта) – впрочем, сам факт наличия или отсутствия доверия, его меры, уже говорит, по нашему мнению, о наличии крепких функциональных связей.

Некоторые из вышеупомянутых норм относятся к сфере «фундаментальных ценностей» (например, понимание справедливости, моральный

выбор), однако в их число входят и такие светские вещи, как: профессиональные стандарты, корпоративные кодексы поведения, экономическое равенство и тому подобное.

Например: как можно определить – доверять субъекту взаимодействия или нет? Что помогает человеку осуществить выбор? Здесь, как ни странно, человек через общение вступает в отношения первичного доверия и только со временем, получив опыт, он может проверить правильность своего выбора (ситуация «доверия/недоверия»).

Как можно работать в команде, не доверяя ее членам и получить качественный продукт труда? Любое общение, проект, связанные так или иначе с человеческим фактором, сложно представить без доверия.

Здесь ответ следует искать на совершенно другом уровне рациональности – не на уровне рационального мышления индивида, а на уровне рациональности воспроизведения сообществ, который осознается, по нашему мнению, индивидами как социальный феномен взаимного доверия в основе которого лежит системная мораль. Эта «системность» морали является лишь одним из проявлений системности социального феномена доверия – ее системной рациональности по сравнению с линейной рациональностью логики индивидов.

Исследуя гражданское общество как феномен социального процесса, украинский ученый А. Карась подчеркивает, что развитому гражданскому обществу характерен рост «социального капитала», что является «моральным ресурсом», мера которого во время использования не уменьшается, а растет [4, с. 560]. А «административный ресурс», который долгое время насаждали и в Украине, тормозит общественную активность, ведет к росту недоверия к власти, притупляет гражданские притязания, маргинализируя жизнь общества по уровню и качеству современных показателей мирового развития.

По данным социологических опросов в 2014 году Украина признана страной с самым высоким показателем патриотизма, однако высокими остаются показатели коррупции и недоверия общества к власти. Как видим, украин-

ское общество испытывает глубинные трансформации политически-социальных изменений, но они довольно противоположны. Анализируя векторные процессы изменений в Украине, мы приходим к выводу, что ни одно общество нельзя унифицировать. Мы не можем в украинское общество полностью перенести те демократические ценности, которые уже давно прижились на Западе. Даже, на первый взгляд, такие общепризнанные ценности, как Свобода, Справедливость, Равенство, Доверие, Братство, Порядок могут быть воплощены в жизнь каждого сообщества, но только с учетом исторического развития каждого из них.

Неким «рецептом» для успешного развития любой общественной формации, в том числе и украинской, мы видим объединение, а затем и взаимное влияние «восточных» и «западных» ценностей: согласие, компромисс, консенсус, уважение должны быть дополнены свободой личности, правами человека, демократии, политическим плюрализмом, и, как результат, этот «микс» должен дать миру высшую степень Доверия и Понимания.

References:

1. Antonenko I.V. *Doverie: social'no-psihologicheskij fenomen* [Trust: social and psychological phenomenon], I.V. Antonenko. – Moskva., Socium; GUU, 2004. – 320 p.
2. Ljah V.V. *Suchasne informacijne suspil'stvo: novi vimiri ljuds'kogo isnuvannja* [Modern information society: a new dimension of human existence]. V.V. Ljah., *Informacijne suspil'stvo u social'nofilosofs'kij retrospektivi ta perspektivi* [Information society in social and philosophical retrospect and prospects]. – Kyiv., TOV «XXI stolittja: dialog kul'tur» [LLC «XXI Century: Dialogue of Cultures»], 2009., pp. 46–111.
3. Popper K. *Vidkrite suspil'stvo i jogo vorogi: V 2-h tt.* [Open society and its enemies: in 2 vol.], Karl Popper. – Vol.1. – Kyiv., Osnovi [Essentials], 1994. – 444 p.
4. *Samoreguljacija social'nogo organizmu kraïni* [Self-regulation of the social body of the country], Under editorship of V.P. Beh.,

N.V. Krohmal', G.O. Nesterenko; *Min-vo osviti i nauki, Naц. ped. un-t imeni M.P. Dragomanova* [Ministry of Education, National Pedagogical Dragomanov University]. – Kyiv., Vid-vo NPU imeni M.P. Dragomanova [Publishing house of M.P. Dragomanov NEU], 2010. – 652 p.

5. *Sovremennaja zapadnaja filosofija* [Modern western philosophy]. *Jenciklopedicheskij slovar'* [Encyclopedic dictionary], Under editorship of O. Heffe, V.S. Malahov, V.P. Filatov, T.A. Dmitriev. *In-t filosofii*. [Institute of philosophy] – Moskva., Izdatel'stvo «Kul'turnaja Revoljucija» [“Cultural revolution” Publishing house], 2009. – 392 p.

6. Fukujama F. *Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k процветанию* [Trust: social virtues and the way to prosperity]. *Frensis Fukujama*; [translated from Eng.]. – Moskva., AST MOSKVA: HRANITEL', 2006. – 730 p.

7. Shopengauer A. *O voli v prirode* [About will in nature]. [Online source], Access mode: http://samlib.ru/k/koncheew/sh_o_vole.shtml

Литература:

1. Антоненко И.В. *Доверие: социально-психологический феномен*, И.В. Антоненко. – Москва., Социум; ГУУ, 2004. – 320 с.
2. Лях В.В. *Сучасне інформаційне суспільство: нові виміри людського існування* / В.В. Лях., *Інформаційне суспільство у соціально-філософській*

ретроспективі та перспективі. – Київ., ТОВ «XXI століття: діалог культур», 2009. – С. 46–111.

3. Поппер К. *Відкрите суспільство і його вороги: В 2-х тт.*, Карл Поппер. – Т.1. – Київ., Основи, 1994. – 444 с.

4. *Саморегуляція соціального організму країни*, За ред. В.П.Беха., В.П. Бех, Н.В. Крохмаль, Г.О. Нестеренко; *Мін-во освіти і науки, Нац. пед. ун-т імені М.П. Драгоманова*. – Київ., Вид-во НПУ імені М.П. Драгоманова, 2010. – 652 с.

5. *Современная западная философия. Энциклопедический словарь*, Под ред. О. Хеффе, В.С. Малахова, В.П. Филатова при участии Т.А. Дмитриева. *Ин-т философии*. – Москва., Издательство «Культурная Революция», 2009. – 392 с.

6. Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию* / Френсис Фукуяма; [пер с англ.]. – Москва., АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 730 с.

7. Шопенгауер А. *О воли в природе* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://samlib.ru/k/koncheew/sh_o_vole.shtml

Information about author:

1. Nataliya Stepanova - Candidate of Philosophy, Associate Professor, Cherkassy Regional Institute of Pedagogical Employees Postgraduate Education; address: Ukraine, Cherkassy city; e-mail: stepanova76@ukr.net

PREREQUISITES AND PECULIARITIES
OF THE "NATIONALITY" CONCEPT
CONCEPTUALISATION IN
PHILOSOPHICAL DOCTRINE OF
SLAVOPHILES

S. Kruchinin¹, Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Lecturer

E. Bagrova², Candidate of Philosophy, Lecturer
Tyumen State Oil and Gas University- Noyabrsk institute of
oil and gas, Russia¹
Noyabrsk College of Professional and Informational
Technologies, Russia²

The paper is devoted to Slavophilism. The significant role of the Patriotic War of 1812 in activation of the search for the national identity is stated in the report. The authors consider the essence of the teaching of Slavophiles and the folk character as one of the central categories of this field of the philosophical thought in Russia. The following conclusion is made: the dominant role of the Russian culture in the global socio-cultural environment is established by Slavophiles.

Keywords: national self-awareness, nation, national idea, Slavophilism, collegiality, national identity, culture.

Conference participants,
National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ
«НАРОДНОСТЬ» В ФИЛОСОФСКОМ
УЧЕНИИ СЛАВЯНОФИЛОВ

Кручинин С.В.¹, канд. филос. наук, доцент, преподаватель
Багорова Е.В.², канд. филос. наук, преподаватель
Тюменский государственный нефтегазовый университет,
Ноябрьский институт нефти и газа (филиал), Россия¹
Ноябрьский колледж профессиональных и
информационных технологий, Россия²

Статья посвящена славянофильству. В статье утверждается значительная роль Отечественной войны 1812 года в активизации поисков национальной идентичности. Рассматривается основное содержание учения славянофилов и народность как одна из центральных категорий данного направления философской мысли России. Делается вывод об утверждении славянофилами доминирующей роли русской культуры в мировом социокультурном пространстве.

Ключевые слова: национальное самосознание, народность, национальная идея, славянофильство, соборность, национальная идентичность, культура.

Участники конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i9.1362>

В истории любого народа подвемы национального самосознания приходятся на кризисные, переломные этапы его существования, что говорит об интегрирующем значении национальной идентичности, национального сознания, народности.

Отечественная история содержит целый ряд особых периодов, в которых происходил всплеск национального сознания и идентичности, что приводило не только к повышению уровня интеграции русского народа, но и вызывало глубинные перемены в системе общественных ценностей и идеалов, нередко влекло за собой смену национальной идеологии, а значит, и общего вектора национального развития.

Начальной точкой в развитии национального сознания, по мнению отечественной исследовательницы, явился XI в., который знаменовал собой рождение национального духа [5, с. 53]. Мы считаем точку зрения о преобладающем значении христианизации Руси в формировании национального духа дискуссионной, так как еще до прихода православия на Русь у наших далеких предков было

чувство национального единства и принадлежности к единой территориальной общности, имеющей единую культуру, основанную на общих языческих верованиях и обрядах. В результате данного процесса образовался единый народ, объединенный общими нравственными и духовными принципами, взятыми из византийского богословия и единой верой в христианские мифы.

Однако, христианство на Руси было воспринято не в первозданном виде, а вошло в отечественную культуру и менталитет, соединившись причудливым образом с народными языческими обычаями и верованиями.

XI век – это время первичного формирования русского народа как единой этнокультурной общности и русской народности как, с одной стороны, комплекса духовных и мировоззренческих принципов, определяющих жизнь, быт и сознание членов данной общности, а с другой – совокупности особых уникальных параметров (ментальность, культура, народные архетипы), отличающих данный народ от других. Православная вера служила для древнерусского общества духовным ориентиром, указывающим

на необходимость преобразования, самосовершенствования, приближения к христианским идеалам.

Следующей вехой в развитии национального самосознания стал XIII век – время встречи русского народа с монголо-татарами и тяжелейших испытаний, вызванных как монголо-татарским игом, так и военными стычками с шведами и Германцами. Можно согласиться с Жигуновой в том, что новый подъем национального самосознания вызвала Куликовская битва (1380 г.) в XIV-XV веках. Это было связано с возрождением русской средневековой культуры после ликвидации монголо-татарского ига на Руси [5, с. 54].

Указанный период характеризуется обоснованием идеи единства Российского государства во главе с его центром – Москвой. Эта идея получила название «Москва – Третий Рим», которая впервые была сформулирована в двух посланиях конца 1523 года – начала 1524 иноком Филофеем. Данная идея, состояла в том, что, во-первых, Московское княжество является наследником Рима и Византии, а значит, мировым оплотом христианства как истинной

религиозной веры. Согласно данной концепции, Московии принадлежит мессианская роль в мировой истории. Во-вторых, московские князья, начиная с Ивана III, считались наследниками римских и византийских правителей [6, с. 47-48].

Очередной период в развитии национального самосознания связан с коренными преобразованиями Петра Великого. Радикальные петровские реформы, результатом которых стала насильственная европеизация, а точнее, германизация быта и нравов, вызвали противодействие со стороны русского народа, сознание которого формировалось столетиями. Мы считаем, что реформы Петра I, основным содержанием которых была вестернизация отечественной культуры, нельзя расценивать однозначно. С одной стороны, благодаря им произошла модернизация жизни в нашей стране, вследствие чего значительно вырос ее статус на международной арене. С другой стороны, произошла радикальная ломка традиционных ценностей и символов, содержащихся в отечественной культуре.

В целом, прогрессивный процесс европеизации России сопровождался ломкой установившегося строя жизни и насильственным насаждением чужеземных обычаев.

Еще один подъем национального самосознания приходится на первую половину XIX столетия, причиной которого послужила Отечественная война 1812 года и последующий поход русской армии по Европе. Ярко выраженной реакцией на актуализацию проблемы поиска Россией национальной идеи в интеллектуально-духовной жизни нашей страны стало формирование славянофильства, в рамках которого получило глубокую проработку понятие народности. Так, по меткому выражению Н. Бердяева, «славянофилы являлись первыми народниками, но народниками на религиозной почве» [2, с. 88].

Если согласиться с В.М. Межуевым в том, что поиск национальной идеи напрямую связан с проблемой цивилизационного выбора [7, с. 74], то мировоззренческую позицию славянофилов можно охарактеризовать

как панславянизм. Согласно данной позиции, славяне представляют собой уникальный цивилизационный тип, на который должны все ориентироваться славянские народы, к которым относится русский народ. Этим славянофилы кардинально отличались от западников, утверждавших о близости русского народа к европейскому цивилизационному типу, базисом которого является римская культура.

Славянофилы в процессе осмысления русской национальной самобытности испытали влияние воззрений о мессианской роли России и православия в мировой истории, оформившихся в данный период в Московском государстве (идея «Москва – Третий Рим»). В этой связи можно утверждать, что славянофильство явилось выражением вековых традиций русского народа.

Таким образом, важнейшей социальной предпосылкой формирования славянофильства можно с полной уверенностью считать Отечественную войну 1812 года, которая вызвала всплеск патриотизма у русского народа. Однако, одного патриотизма для формирования направления философской мысли было явно недостаточно, нужна была теоретическая база, некая философская система, которая позволяла бы интерпретировать проблемы народности и истории в рационалистическом, системном, научном ключе.

Таким базисом возникновения славянофильства стала немецкая классическая философия. Как указывает Рябий М.М., «Шеллингианство, а позже и гегельянство поставили перед русским обществом вопросы о роли народа и отечества. Изучение немецкой философии подтолкнуло к осмыслению соотношения национального и общечеловеческого, вело к размышлению об историческом предназначении русского народа...» [9, с. 287].

Подобный интерес к проблеме национального самосознания, проявившийся во время Отечественной войны 1812-1813 годов, не ослабевает и в 20-е годы позапрошлого века. Основным предметом интеллектуальных устремлений в России того периода становится идея народности. Духовный фон этого времени – активные

поиски форм народной самобытной литературы, музыки, философии, в общем, культуры, которая бы соответствовала бы запросам русского общества.

Мы считаем, что русская народность трактуется славянофилами в мессианском ключе, что можно объяснить влиянием на их философское мышление «философии духа» Г. Гегеля, согласно которой у каждого народа есть свое призвание [4, с. 329-330]. Но если Гегель идеализировал германский народ и рассуждал в духе пангерманизма [3, с. 57-62], то Хомяков, обосновывая идею русской народности, указывал на то, что русский народ, при должном старании, может достичь превосходства над другими народами [10, с. 86]. При этом, речь шла, очевидно, о духовном, культурном и интеллектуальном превосходстве над другими народами.

Таким образом, была заложена идея, которая прослеживалась не только у славянофилов, но и у их оппонентов – западников: идея о скрытом в русском народе духовном потенциале, реализовать который ему еще не удалось. Этим русский народ отличается от народов Запада, которые раскрыли свои культурные силы в полной мере.

Основателями славянофильства были А. Хомяков и И. Киреевский. А Хомяков связывает русскую народность с соборностью, подразумевая в нем «свободное единство основ церкви в деле совместного понимания ими правды и совместного отыскания ими пути к спасению» [10, с. 195]. Соборность, с одной стороны, есть ничто иное, как особый богословский принцип основанной на духовной свободе организации православной церкви, противоположный основанной на внешнем подчинении организации католического прихода.

Но нас больше интересует иной аспект соборности, в котором выражена уникальная русская общинность, сердцевиной которой является православная вера. Соборность как часть русского менталитета – это общность единоверцев с сохранением духовной свободы каждого. Как утверждал Лосский, «Христианство есть не что иное, как свобода во Христе» [8, с. 29].

Как указывает Алексеев, «православные славянофилы видели в подчинении личных интересов общественным высшее проявление свободы» [1, с. 48]. Но в учениях основателей славянофильства соборное мнение ни коим образом не отождествлялось с властной волей царя: они строго разделяли царскую власть, господствовавшую в государственной сфере, и силу соборного мнения, проявлявшуюся в крестьянской общине. Воплощением соборности Хомяков, Аксаков и Киреевский считали сельскую общину, отношения между членами которой основаны не на формальном кодифицированном праве, а на исконной общинной нравственности.

Соборность в философии славянофилов трактуется как особая форма коллективизма, общественной солидарности, основанной на признании неотъемлемой ценности каждого члена коллектива при соблюдении духовного единства между членами крестьянской общины, которая представляет собой высшее духовное Целое.

Мировое назначение России в концепции славянофилов состоит в том, чтобы усвоить и реализовать весь положительный запас культуры других, более зрелых народов. Мы считаем, что динамику мировой культуры можно представить виде постоянно наполняемого сосуда. При этом, каждый последующий вклад, совершаемый тем или иным народом не означает полного отрицания предыдущих достижений. Наоборот, по мере своего развития имеющийся культурный запас постоянно совершенствуется, обновляется, становится все более полным и разносторонним. С этой точки зрения, русская культура, воспринявшая должным образом, достижения других народов, обладает огромным потенциалом в деле духовного обновления и совершенствования мира.

References:

1. Alekseev A. Slavjanofily v poiskah ideala [Slavophiles in search of an ideal]., Nauka i zhizn' [Science and life]. - 2010., No. 10. - p. 48

2. Berdjaev N.A. Russkaja ideja [Russian idea]. Sud'ba Rossii [Destiny of Russia]. – Moskva., Pravda [Truth], 1997. - 542 p.

3. Gegel' G.V.F. Lekcii po filosofii istorii [Lectures on the philosophy of history]. - St. Petersburg., Nauka [Science], 1993, 2000. – 426 p.

4. Gegel' V.G.F. Jenciklopedija filosofskih nauk [The encyclopedia of philosophical sciences]. – 3 Parts. Part 3 Filosofija duha [Spirit philosophy]. – Moskva., Mysl' [Thought], 1974. – 471 p.

5. Zhigunova G.V. Nacional'noe samosoznanie russkogo naroda v filosofii slavjanofil'stva [National consciousness of the Russian people in philosophy of Slavophilism]., Vestnik MGTU, Vol. 9, No. 1, 2006. - p. 54.

6. Zen'kovskij V.V. Istorija russkoj filosofii [sost. A.V. Poljakov] [History of the Russian philosophy]. - (Filosofskoe nasledie Rossii) [(Philosophical heritage of Russia)]., Vol. I., Part 1. - Leningrad., Jego [Ego], 1991. - 280 p.

7. Mezhuiev V.M. Russkaja nacional'naja ideja kak civilizacionnyj vybor Rossii [Russian national idea as the civilization choice of Russia]. Online source, Access mode: http://www.intelros.ru/pdf/synergia_220509/3.pdf, p. 74.

8. Losskij N.O. Istorija russkoj filosofii [History of the Russian philosophy]. - Moskva., Sovetskij pisatel' [Soviet writer], 1991. - 480 p.

9. Rjabij M.M. Rannee slavjanofil'stvo: problema nizhnej hronologicheskoj granicy [Early Slavophilism: problem of the lower chronological bound]., Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod university of N.I. Lobachevsky], 2009, No. 2., pp. 286-291.

10. Homjakov A.S. Sochinenija v 2-h tomah («Iz istorii otechestvennoj filosofskoj mysli») [Compositions in 2 volumes («From the history of domestic philosophical thought»)]. – Moskva., Moskovskij filosofskij fond [Moscow philosophical fund], «Medium», Zhurnal «Voprosy filosofii» [«Medium», Philosophy Questions Magazine], 1994., Vol. 1. - 426 p.

Литература:

1. Алексеев А. Славянофилы в поисках идеала., Наука и жизнь. - 2010., № 10., С. 48

2. Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России – Москва., Правда, 1997. - 542 с.

3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. - СПб., Наука, 1993, 2000. - 426с.

4. Гегель В.Г.Ф. Энциклопедия философских наук – В 3 частях. Ч. 3 Философия духа – Москва., Мысль, 1974. – 471 с.

5. Жигунова Г.В. Национальное самосознание русского народа в философии славянофильства., Вестник МГТУ, том 9, № 1, 2006., с. 54

6. Зеньковский В.В. История русской философии [сост. А.В. Поляков]. - (Философское наследие России)., Т. I., ч. 1 - Ленинград., Эго, 1991. - 280 с.

7. Межуев В.М. Русская национальная идея как цивилизационный выбор России. Интернет-ресурс., Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/synergia_220509/3.pdf С. 74.

8. Лосский Н.О. История русской философии. - Москва., Советский писатель, 1991. - 480 с.

9. Рябий М.М. Раннее славянофильство: проблема нижней хронологической границы., Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2009, № 2, с. 286-291.

10. Хомяков А.С. Сочинения в 2-х томах («Из истории отечественной философской мысли») – Москва., Московский философский фонд, «Медиум», Журнал «Вопросы философии», 1994., Т. 1. - 426 с.

Information about authors:

1. Sergei Kruchinin - Candidate of Philosophy, Associate Professor, Lecturer, Tyumen State Oil and Gas University- Noyabrsk institute of oil and gas; address: Russia, Noyabrsk city; e-mail: nngkcergei@mail.ru

2. Ekaterina Bagrova - Candidate of Philosophy, Lecturer, Noyabrsk College of Professional and Informational Technologies; address: Russia, Noyabrsk city; e-mail: nngkcergei@mail.ru

RATIONAL JUSTIFICATION OF MORAL PHILOSOPHY
OF D. GAUTHIER

D. Usov, Candidate of Philosophy, Associate Professor
Academy of Fire Safety Named After Chernobyl Heroes,
Ukraine

Peculiarities of the "fair contract" theory by D. Gauthier and its fundamental differences from the theory of justice as honesty (J. Rawls) have been analysed in the paper.

Keywords: social contract, contractualism, rationality, fair contract, justice, honesty, legitimation.

Conference participant

РАЦИОНАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ
МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ Д. ГОТИЕРА

Усов Д.В., канд. филос. наук, доцент
Черкасский институт пожарной безопасности им. Героев
Чернобыля, Украина

В статье проанализированы особенности теории «честного контракта» Д. Готиера и ее принципиальные отличия от теории справедливости как честности Дж. Роулза.

Ключевые слова: общественный договор, контрактualизм, рациональность, честный контракт, справедливость, честность, легитимация.

Участник конференции

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i9.1363>

Дискурс общественного договора известного американского философа Давида Готиера все больше привлекает внимание как отечественных и российских исследователей (Б. Кашников, Н. Кудрявцева, Л. Ситниченко), так и западных философов (Б. Берри, М. Мур, М. Нусбаум). Речь идет, прежде всего, о предложенной Готиером попытке рационального обоснования моральной философии, о развитии ее основных идей и принципов на началах не практического, а инструментального ума, чистой рациональности.

Целью исследования статьи является анализ особенностей теории «честного контракта» Д. Готиера и ее принципиальных отличий от теории справедливости как честности Дж. Роулза. Поскольку контрактualизм Роулза базируется на кантовском толковании рациональности как рациональности практического ума, Готиер считает, что индивиды ориентируются, прежде всего, на рациональность ума инструментального, а для достижения наибольшего результата приходят к необходимости принятия определенных моральных норм, которые эффективно и плодотворно будут предопределять и регулировать их индивидуальные и социальные (глубоко индивидуалистические) отношения.

В общеметодологическом смысле особой актуальности идея общественного договора приобретает в контексте того, что именно она является основой всех конкретных соглашений и важных взаимоотношений между гражданами и властью. В самой идее общественного договора и ее интерпретации В. Керстингом, Д. Готиером,

Р. Дворкиным, Дж. Роулзом, А. Сеном, Э. Тугендгатом, (частично исследованных в работах украинских - А. Ермоленко, Н. Кудрявцева, Л. Ситниченко, Н. Тур, Д. Усов и российских философов - Т. Алексеева, Г. Канаш, Б. Кашников, Э. Соловьев), ее существенной взаимосвязи с проблемами современной этики, политической философии и философии права, проявляется ее как европейское, так и общечеловеческое значение.

Осмысливая основанные на договоре справедливые или несправедливые законы, современная политическая философия (прежде всего благодаря работам Дж. Роулза и Д. Готиера) стремится понять – как связаны между собой интерес и право, польза и справедливость. Именно это и обуславливает особенности самого **предмета** исследования статьи – стремления к всестороннему анализу основных принципов теории справедливости Д. Готиера, берущих начало в дискурсе общественного договора, заложенного Томасом Гоббсом. Кроме того, в рамках идеи общественного договора актуализируется, как подчеркнул известный канадский философ Ч. Тейлор, проблема нравственности как проблема следования индивидуума голосу природы внутри него. С другой стороны, Ч. Тейлор обращает внимание и на основной недостаток современного контрактualизма – его стремления акцентировать внимание на правах и интересах людей. Тейлор применяет термин «атомизм», прежде всего, «для названия современных доктрин, которые или возвращаются к теории общественного договора,

или стараются защитить определенным способом приоритет индивида и его прав перед обществом, или представляют сугубо инструментальный взгляд на общество» [1, 233].

Заметим, что критика якобы неправдивого универсализма либеральной теории общественного договора и присущего ей упрощенного видения принципов справедливого распределения разнообразных социальных благ в известной книге Дж. Грея «Поминки по Просвещению» есть также существенным аргументом в пользу реконструкции основных методов и принципов неметафизической теории общественного договора и рациональности как Дж. Роулза, так и Д. Готиера. Поскольку, как свидетельствует внимательное прочтение работы Грея, его критические упреки о сущностной принадлежности принципа индивидуализма касаются не только работ Роулза, но и трудов Р. Дворкина, Б. Аккермана, Д. Готиера. Как подчеркивает Грей (только вот насколько справедливо?) работы перечисленных авторов будто бы объединяет с работой Роулза стремление поставить «неисторический и абстрактный индивидуализм на службу легалистской и юридической парадигме в политической философии. Задача политической философии понимается как создание идеальной конституции, в идеале – конституции на все времена и для всех стран и народов» [2, 22]. И вдобавок, отсюда делается вывод о том, что, когда хотя бы минимальный уровень политической морали воплощается в принципах справедливости и права, то права человека оттесняют на второй план

права общественных объединений, их нормы и ценности.

Настаивая на том, что важнейшим для успешного составления контракта («честный контракт» – аналог понятия «честная сделка») есть честность и беспристрастность самой процедуры договорной ситуации, Готтиер опирается на дискурс Гоббса относительно общественного договора и политической антропологии. Если с дискурсом общественного договора Гоббса идеи Готтиера связаны непосредственно, на что указывает и сам Готтиер, то продолжение идей Гоббса мы можем обнаружить также и в размышлениях о власти Макса Вебера, хотя понимание власти первым является более широким, поскольку речь идет о трех типах власти (не как цели, а как средства): над природой, над другими людьми и над собой.

В чем же заключается эта схожесть и отличия? Принципиально важным является обоснованный Гоббсом принцип общественного договора как абсолютно новый социальный принцип регуляции жизнедеятельности, который фиксирует значимый для современной политической философии и философии права переход от телеологических (античных и средневековых) к правовым (современным) представлениям о справедливости.

Заметим также, что само место идеи общественного договора в контексте конституирования современной политической философии и переосмыслении ею секуляризованных, основанных на автономии, т.е. способности человеческих существ устанавливать для себя собственные законы, стало предметом исследования известных европейских философов современности. По мнению Ю. Хабермаса, значительным достижением, связанным с идеей общественного договора, стало преобразование права (через его десакрализацию) в фундаментальный источник легитимности и атрибут человеческого бытия. Легитимную силу приобретают именно горизонтальные социальные взаимоотношения людей, которые и воплощаются (что и подчеркивают классики европейской философии Нового времени) в общественном договоре. На его основе возникает светская по

своей природе, оправданная, прежде всего, свободным стремлением ее участников, система прав человека: вместо закона Божьего начинают заявлять о законе природы и законе как совокупности правовых норм.

Новые общественные реалии вызывают необходимость по-новому осмыслить положение человека и его ощущение свободы. В теориях общественного договора, в частности работах Т. Гоббса, понятие свободы рассматривается преимущественно при помощи естественно-научной терминологии, например, определения естественного отсутствия сопротивления. Ведь, по мнению Гоббса, свободным является человек, которому ничто не мешает поступать по своему желанию.

Тем не менее, и в таком понимании речь идет о значимости для современного общества, основанного на десакрализации общественных отношений, реального преобразования именно договора в основу отношений правовых, что и было воплощено в теориях общественного договора и присущему им новому видению взаимосвязи индивида как субъекта собственности и субъекта права. На этом основании лишь владелец, индивид с присущим ему правом распоряжаться своим «Я» может заключать справедливую сделку с другими такими же индивидами.

Сравнение двух современных теорий общественного договора как теорий справедливости – Дж. Роулза (справедливость как честность) и Д. Готтиера (справедливость как взаимная польза), является принципиально важным для их углубленного понимания. Один из исследователей этой проблематики Б. Берри подчеркивает, анализируя их отличие, которое, по его мнению, заключается в том, что Роулз опирается на принцип «пелены незнания», для достижения с его помощью равноправия участников общественного договора.

В политической антропологии Д. Готтиера человек выступает конкретным субъектом, которому присуща вся информация и о себе, и о других. Исходное пространство такого человека превращается в территорию, освобожденную от моральных принципов, а принципы спра-

ведливости превращаются в принципы самоограничения, основанные на рациональных, иногда эгоистических интересах [3, 9].

Дж. Роулз позиционирует свою теорию справедливости как современную версию теории общественного договора и, благодаря его версии контрактализма (который, опираясь на кантовскую версию общественного договора, исходит из того, что необходимо уважать каждого конкретного индивида, а моральные принципы должны быть оправданными относительно него, т.е. требование соблюдения честного и непредубежденного договора обусловлено внешними причинами) современный философский и политический дискурс утверждает, что основанная на принципах свободы и равенства идея общественного договора является воплощением основных демократических ценностей, демократических способов регулирования взаимоотношений граждан и власти. А предложенная Роулзом (на началах модернизированной теории общественного договора) интерпретация принципов социальной справедливости не ограничивается стремлением опираться на инструментальную теорию рациональности, учитывая актуальную и сегодня потребность согласования противоположных, часто конфликтующих между собой интересов и намерений. Согласно пониманию Роулза справедливости как честности, «принципы справедливости для основной структуры общества являются предметом первоначального договора. Это те принципы, которые свободные и рассудительные лица, заинтересованные в преследовании своих собственных интересов, принимают в такой себе начальной позиции равенства как такие, что определяют фундаментальные условия их социализации. Эти принципы должны регулировать все дальнейшие договоренности» [3, 36-37].

Обосновывая договорной характер своей теории справедливости, Роулз возвращает договорную теорию (которая дальше и дальше отходила на второй план под давлением прагматических и аналитических взглядов) к жизни. Ему чрезвычайно импонирует то, что идея общественного договора дает возможность объединить (путем согласия, компромисса как процедуры

решения проблемы) разнообразные, временами даже отличные интересы и ценности. Она есть также, считает Роулз, более адекватной (чем основанный преимущественно на инструментально-технической или же стратегической рациональности утилитаризм, который стремится лишь к выгоде) плюралистической сущности современного общества. Роулз рассматривает общественный договор как соглашение, но довольно широкое, т.е. такое, которое является источником политических прав и обязанностей граждан, механизмом справедливой защиты их интересов и основой принципов справедливости. Характеризуя основную «идею справедливости», он подчеркивает: мы должны вообразить себе, что те, кто принимает участие в социальном сотрудничестве, вместе, в общем социальном действии выберут принципы, которые определяют их основные права и обязанности, а также распределение социальных благ. Подписывая это общественное соглашение, люди должны раз и навсегда решить, что является справедливым, а что - несправедливым, а те принципы, которые они выберут в качестве справедливых, должны быть главными для дальнейшей критики и реформирования социальных институтов [4].

Если рационального субъекта Роулз постигла далеко неоднозначная судьба, то в еще большей мере сказанное касается политической антропологии Д. Готиера, основная интенция которой сформулирована им в начале работы «Мораль по соглашению», где справедливость есть одновременно и взаимовыгодной, и непредубежденной границей для эгоистических интересов: «Долг есть выше пользы, тем не менее, соблюдение долга является на самом деле выгодным» [5, 2]. Какими же могут быть эти ограничения, о которых неустанно повторяет Готиер – моральными (если он называет свою теорию «теорией морали») или нормативно-рациональными (что вытекает из самой сути его теории)? Основой теории морали Д. Готиера следует справедливо считать понимание рациональности как максимизации обоснованных преимуществ так сказать «человека экономического». Самое такое понимание человека должно стать, по мысли Готиера, сердцевинной раци-

ональной политической антропологии, которая ориентируется не на интерес, а на выгодное предоставление предпочтений, т.е. на пользу. Тем не менее, как согласовать такой субъективный подход с желаниями других людей? Здесь Готиер обращается к теории игр, ведь максимизация предоставления предпочтений невозможна без ситуации выбора. Готиер обращается к особому типу игры – контракту. Таким образом, его теория рационального выбора получает название «теории рационального контракта».

Если М. Сендел и Ч. Тейлор были первыми, кто раскритиковали, строго и придирчиво очертили границы рационально-антропологической составляющей теории Дж. Роулза, собственно отвергнув присущий ей взгляд на человека как на свободное и рациональное существо, то в еще большей мере сказанное относится к теории Готиера. Ведь он, равно как и другие приверженцы, идет ошибочным путем и для утверждения преимуществ принципа справедливости перед принципом блага вынужден черпать силу из неправдивого метафизического источника истолкования первичного смысла и значимости рациональности индивида и его индивидуализма. Готиер считает, что непредубежденные нормы рационального выбора, которых требуют индивиды в своей общественной жизни, являются одновременно похожими на моральные нормы и отличными от них. А сам контракт, подчеркивает философ, выступает разновидностью договора, обусловленного взаимовыгодным обменом. Какая же роль здесь отводится справедливости, когда наступает ее очередь регулировать взаимоотношения индивидов?

Ответ Готиера является воистину философским – справедливость, как особая форма рациональности, нужна не только для того, чтобы составлять контракт и придерживаться его, но и для определения самих условий достижения контракта как справедливых условий, при которых невозможно злоупотреблять интересами других людей и перекладывать на плечи других свои затраты. Таким образом, Готиер стремится как можно больше внимания уделить рожденному западной цивилизацией, преимущественно рыночной по своей сути, рыночному

взаимодействию, которое нуждается в довольно жестких запретах [5, 19].

Осмысливая поставленные задачи (теоретическую и практическую), Готиер считает, что необходимость морали органически связана с практическим применением стратегической рациональности и пониманием справедливости как рациональной кооперации и, в конце концов, очень напоминает собственно моральную норму. Предлагая всем возможным участникам общественного договора достичь справедливого контракта, Готиер называет свою концепцию «максимальной относительной уступкой», точкой, где пересекаются интересы всех участников контракта. Важна в этом ключе исходная позиция, которая в традиционных теориях общественного договора получила название «естественного состояния», есть освобожденной от морали территорией, а принципы справедливости выступают способом самоограничения, согласования которых является рациональным соответствием собственным интересам. Основой критики Д. Готиером теории Роулза является то, что последний абстрагируется от целого ряда важных человеческих качеств, способностей и талантов, которые весьма важны и должны быть присущими любой теории справедливости [5, 254].

В означенном русле Готиер формулирует три основных принципа справедливости: первый заключается в максимальной относительной выгоде. Для достижения рационального взаимовыгодного договора Готиер вводит второй принцип – справедливыми и рациональными должны быть не только условия достижения контракта, но и его соблюдение. Такой шаг есть вполне логичным – когда контракт подписан, именно тогда возникает практический соблазн (и теоретическая проблема преодоления конфликта сущего и надлежащего) – достичь наибольшей пользы для себя, даже через нарушение взаимовыгодного контракта. Именно в этом принципе сконцентрировано следующее стремление Готиера – надеяться на рациональность морали участников общественного взаимодействия. И, в конце концов, обращаясь к осмыслению основ контракта в виде третьего принципа справедливости, Готиер отмечает, что даже добровольный контракт не мо-

жет быть основан на несправедливости, на обмане или насилии, а его выполнение нельзя считать рациональным. Т.е. взаимовыгодное составление договора, предусмотренное последним принципом справедливости, возможно лишь между свободными и равноправными индивидами.

Иными словами, Готиер стремится вывести моральные принципы из чистой рациональности, постулируя кооперацию как основной путь для принятия основных принципов справедливого взаимодействия. В соответствии сего концепцией морали по согласию, принципы справедливости или морали, как постоянно подчеркивает Готиер, являются основой возможного согласия рациональных индивидов и, что выступает в качестве взаимовыгодного контракта сохранения собственных интересов, а сами честные и справедливые условия кооперации могут быть определены как принципы морали. Для них присущи следующие важные черты: они являются внутренними, поскольку задевают волю индивида, и непредубежденными. Поскольку теория рационального договора является основой моральной концепции Готиера, то и ее, как теорию справедливости Роулза, можно (вместе с его ученицей Мартой Нусбаум) назвать довольно ограниченной, поскольку она

не оставляет достойного места тем, кто не может или не хочет участвовать во взаимовыгодной кооперации. Можно также согласиться с критикой относительно отсутствия внимания Готиера к проблеме стабильности общества, которая у Роулза, например, обеспечивается чувством справедливости. Тем не менее, неубедительным выступает тезис о том, что теории честного контракта Д. Готиера и справедливости как честности Дж. Роулза приобретают теоретический смысл преимущественно в пределах западной культуры (Б. Канарш, Б. Кашников), а нам следует опираться и надеяться на присущий славянской душе альтруизм и сочувствие. Действительно, на сочувствие мы можем надеяться, а справедливости, как важной компоненты общественного бытия, мы должны требовать, так как без нее и последнее является невозможным. На самом деле справедливым и честным быть, по меньшей мере, выгодно.

References:

1. Tejlor Ch. Atomizm., Liberalizm. Antologija [Atomism., Liberalism. Anthology]. – Kyiv., 2002., pp. 235-255.
2. Grej Dzh. Pominki po Prosvshheniju [Commemoration for Education]. Politika i kul'tura na zakate sovremenosti [Politics and culture on

the decline of our time]. – Moskva., Praksis [Praxis], 2003. – 368 p.

3. Barry B. Theories of Justice. – Berkley, 1989. – 267 p.

4. Vazhnymi i metodologicheskimi znachashchimi dlja sovremennyh teorij obshhestvennogo dogovora javljajutsja issledovanija po probleme racional'nosti L. Sitnichenko «Napruzhenie ponjattja racional'nosti v suchasnij praktichnij filosofii» i O. Sobol' «Problema racional'nosti v postneklasichnij perspektivi», izlozhennye v rabote Filososfs'ki diskursi racional'nosti [The research studies on the problem of rationality by L. Sitnichenko “Intensive concept of rationality in the modern practical philosophy» and by A. Sobol' «The problem of rationality in the Postnonclassical term», set out in the “Philosophical discourses of rationality” are important and methodologically meaningful for modern theories of the social contract]. – Kiev., 2010. – 429 p.

5. Gauthier D. Morals by Agreement. – Oxford., 1986. – 367 p. <http://dx.doi.org/10.1093/0198249926.001.0001>

Литература:

1. Тейлор Ч. Атомизм., Либерализм. Антология. – Київ., 2002., С.2 35-255.

2. Грей Дж. Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности. – Москва., Праксис, 2003. – 368 с.

3. Barry B. Theories of Justice. – Berkley, 1989. – 267 p.

4. Важными и методологически значимыми для современных теорий общественного договора являются исследования по проблеме рациональности Л. Ситниченко «Напружене поняття раціональності в сучасній практичній філософії» и О. Соболев «Проблема раціональності в постнекласичній перспективі», изложенные в работе Філософські дискурси раціональності. – Киев., 2010. – 429 с.

5. Gauthier D. Morals by Agreement. – Oxford., 1986. – 367 p. <http://dx.doi.org/10.1093/0198249926.001.0001>

Information about author:

1. Dmitriy Usov - Candidate of Philosophy, Associate Professor, Academy of Fire Safety Named After Chernobyl Heroes; address: Russia, Cherkassy city; e-mail: dimausov@i.ua

**ANALYSING THE POSSIBILITY OF
NUMERICAL ASSESSMENT OF THE
SPACE ENERGY INFLUENCE ON
PERSONAL GIFTEDNESS**

M. Treschalin¹, Doctor of Technical sciences, Full Professor
A. Treschalina², Candidate of Technical Sciences, Associate
Professor
Lomonosov Moscow State University, Russia¹
Institute of Public Administration Law and Innovative
Technologies, Russia²

The authors provide the analysis of the possibility to assess personal giftedness depending on the space energy existing in the period of gestation on the example of prominent figures of science, culture and politics. After the analysis the authors have discovered mathematical relations using which one can predict the potential inclinations and capabilities of an individual.

Keywords: genius, giftedness measure, criterion, Space, achievements.

Conference participants,
National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

**АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТИ ЧИСЛЕННОЙ
ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ КОСМИЧЕСКОЙ
ЭНЕРГИИ НА ОДАРЕННОСТЬ
ЛИЧНОСТИ**

Трещалин М.Ю.¹, д-р техн. наук, проф.
Трещалина А.В.², канд. техн. наук, доцент
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Россия¹
Институт государственного управления, права и
инновационных технологий, Россия²

В статье проводится анализ возможности оценки одаренности человека в зависимости от космической энергетики, существующей в период созревания плода на примере выдающихся деятелей науки, культуры и политики. В результате получены математические зависимости, посредством которых можно прогнозировать потенциальные склонности и возможности личности.

Ключевые слова: гений, показатель одаренности, критерий, Космос, достижения.

Участники конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.hp.v0i9.1364>

Анализ многочисленных научных публикаций показывает, что определяющее влияние на процесс жизнедеятельности биосферы Земли в целом и, человека в частности, оказывают Солнце (или процессы, происходящие на Солнце, следствием которых является уровень напряженности геомагнитного поля) и Луна. В период внутриутробного формирования, организм менее всего защищен от разного рода внешних воздействий и сложившаяся в это время ситуация в Космосе во многих отношениях, в том числе и для здоровья, играет в будущей судьбе человека очень важную роль (установлено, что продолжительность жизни животных одного и того же вида отличается иногда в 3 – 4 раза и зависит от того, когда они родились).

Такой вывод дает возможность предположить, что:

- развитие зародышей определяется интенсивностью солнечного излучения и геомагнитной обстановкой. Причем, в качестве начальных условий следует принимать параметры активности Солнца и геомагнитного поля в момент образования зиготы, т.к. с биологической точки зрения любой организм развивается всегда из одной единственной оплодотворенной клетки, имеющей свой генетический код;

- гравитационные поля, обусловлен-

ные в основном Лунно-Земными связями, задают ритмичность процессам жизнедеятельности организмов. Такие биологические ритмы способствуют равномерному чередованию во времени различных состояний живого существа, причем частота циклов, совершающихся в единицу времени, зависит от многочисленных и разнообразных внешних факторов, в основном космического происхождения.

Учсть все многообразие отдельных составляющих внешних энергетических воздействий, под которыми понимаются сигналы, имеющие различную физическую природу и несущие энергию и информацию из Космоса, крайне затруднительно, поэтому при проведении исследований в качестве определяющих параметров были приняты интегральные характеристики, отражающие:

- активность деятельности Солнца, а также солнечное излучение на горизонтальную поверхность за пределами атмосферы – A ;

- возмущенность геомагнитного поля – A_p .

При этом важнейшее значение имеют величины параметров A и A_p , существующие в период образования плода (с момента образования зародышевой клетки до момента рождения), составляющий 284,3 суток или 0,77837 части календарного года.

С учетом изложенного, возникает предположение о потенциально существующих закономерностях в сочетании характеристик A и A_p , которые позволят прогнозировать одаренность личности и определять оптимальную сферу жизнедеятельности.

В табл. 1 дается перечень широко известных своими достижениями выдающихся деятелей, с вычисленными для каждого из них значениями A и A_p (алгоритм и методики вычисления A и A_p являются know how авторов).

Предполагая, что высокоодаренный человек является гармонически (всесторонне) развитой личностью, целесообразно сопоставить индивидуальные величины A и A_p с тремя важнейшими мировыми константами: пропорцией золотого сечения $\Phi = 1,618033989$ (или $\phi = 1/\Phi = 0,618033989$), характеризующей гармоническое деление и являющейся, по мнению Леонардо да Винчи, универсальным кодом Вселенной, который воспринимается человеческим сознанием во всей информационной и эмоциональной полноте, а также числами $\pi = 3,141592654$ и $e = 2,71828183$ (взаимосвязь π с золотой пропорцией Φ , что следует из чисел ряда Фибоначчи, указывает на причастность числа π к закону гармонии в природе). В качестве допущения принимается, что постоянные Φ , ϕ , π

Таблица 1.

ФИО	A	A _p	A / A _p	ФИО	A	A _p	A / A _p
Шопен Ф.	0,68045	1,94494	0,34985	Ван Гог В.	24,85464	21,78326	1,14099
Галуа Э.	1,09556	2,58221	0,42427	Паганини Н.	28,51423	19,53883	1,45936
Эйнштейн А.	1,11050	3,78880	0,29310	Станиславский К.	33,77505	21,07351	1,60272
Тесла Н.	2,21955	5,93578	0,37392	Нельсон Г.	34,14207	21,89711	1,55920
Пастер Л.	2,91325	4,62707	0,62961	Бор Н.	39,49731	19,36955	2,03914
Клаузиус Р.	3,71520	5,80114	0,64042	Ландау Л.Д.	35,51294	22,00251	1,61404
Гейне Г.	4,30927	6,98994	0,61649	Стравинский И.Ф.	33,03098	25,39726	1,30057
Достоевский Ф.	4,63226	6,67491	0,69398	Вернадский В.И.	38,71041	21,94576	1,76391
Бальзак О.	4,33067	7,77997	0,55664	Максвелл Дж.К.	34,44945	25,20494	1,36677
Менделеев Д.И.	4,65434	7,66045	0,60758	Пикассо П.	40,69393	23,64512	1,72102
Пушкин А.С.	4,61245	8,04915	0,57303	Шостакович Д.Д.	40,63539	25,67203	1,58286
Сталин И.В.	5,29531	8,74721	0,60537	Лобачевский Н.	44,18266	24,61986	1,79459
Бородин А.П.	5,90711	7,91382	0,7464	Есенин С.А.	45,46202	24,12905	1,88412
Малевич К.	5,50527	9,24443	0,59552	Толстой Л.Н.	45,33134	25,95156	1,74676
Моцарт В.А.	6,49322	8,28327	0,78389	Роден О.	46,85880	25,33716	1,84941
Больцман Л.	6,75011	9,78499	0,68984	Бутлеров А.М.	46,21433	26,01465	1,77647
Прокофьев С.С.	6,74172	10,89579	0,61874	Фарадей М.	46,68037	26,02369	1,79376
Тарковский А.	7,86258	10,97005	0,71673	Чайковский П.И.	45,66422	29,57665	1,54392
Булгаков М.А.	7,71572	11,26578	0,68488	Мусоргский М.П.	50,72259	30,15401	1,68211
Лермонтов М.Ю.	9,12792	10,18420	0,89628	Ленин В.И.	51,15709	31,32307	1,63320
Репин И.Е.	8,71201	11,23428	0,77548	Винер Н.	57,22324	28,02660	2,04174
Циолковский К.	9,53077	10,74115	0,88731	Наполеон Б.	55,97586	30,05238	1,86261
Ампер А.-М.	14,46815	13,40188	1,07956	Рахманинов С.	54,91270	31,11911	1,76459
Мечников И.И.	15,39720	16,16233	0,95266	Скрябин А.Н.	70,26873	29,51828	2,38051
Планк М.	19,13415	18,60047	1,02869	Бетховен Л.	68,65799	31,12483	2,20589
Риман Г.	20,98877	17,01383	1,23363	Резерфорд Э.	80,41040	34,39843	2,33761
Мане Э.	26,61857	19,97454	1,33262	Байрон Дж.	92,34520	38,09358	2,42416

и e должны составлять последовательность вида $c, cx, cx^2, cx^3, cx^4, cx^5, \dots$

Таким образом, определение критериев, включающих Φ (или ϕ), π , e и их сравнение с соответствующими значениями A, A_p и A/A_p представляет собой один из вариантов численной оценки степени одаренности личности.

В соответствие с вышеизложенным, проведен анализ параметров A, A_p и A/A_p деятелей, поименованных в табл. 1. При этом, методический подход заключался в следующем. Ориентируясь на то, что гениальность А.С. Пушкина и П.И. Чайковского во всемирном масштабе не вызывает сомнений, в первую очередь разрабатывались критерии, соответствующие их параметрам, и затем, по аналогии, производилась оценка показателей других выдающихся людей. В результате установлено, что величины:

1. Параметра A , вычисленные для:
 - А.С. Пушкина, П.И. Чайковского, А.-М. Ампера имеют близкое совпадение с числами, определяемыми по формуле: $[1/(\pi - 1)] \times \pi^n$, где: $n = 0, 1, 2, 3, \dots$;

- А.С. Пушкина, П.И. Чайковского, А.-М. Ампера, М.Ю. Лермонтова, Л. Бетховена, Дж. Байрона, В.А. Моцарта и др., достаточно точно соответствуют последовательности: $[1/(\pi - 1)] \times \pi \times n$.

2. Параметра A_p , вычисленные для А.С. Пушкина, П.И. Чайковского, Э. Галуа, Дж. Байрона и др., совпадают с членами прогрессии $(\pi^2/e)^m$, где: $m = 0,146; 0,236; 0,382; 0,618; 1, 1,618; 2,618; 4,236 \dots$ - составляющие ряда Фибоначчи.

3. Отношения параметров A/A_p , вычисленные для А.С. Пушкина, П.И. Чайковского, Ф. Шопена, С.С. Прокофьева, Г. Гейне и др., весьма схожи с членами ряда Фибоначчи: $0,146; 0,236; 0,382; 0,618; 1, 1,618; 2,618; 4,236 \dots$ или Φ^k , где: $k = -4, -3, -2, -1, 0, 1, 2, 3, 4, \dots$

Принимая во внимание явно выраженную тенденцию к формированию геометрической прогрессии, члены которой в том или ином виде содержат Φ, ϕ, π и e , проведен всесторонний численный анализ различного сочетания указанных констант с целью по-

строения последовательности, отвечающей следующим условиям:

- числа, составляющие последовательность, должны быть равны по своим значениям параметрам A, A_p и A/A_p , рассчитанным для А.С. Пушкина и П.И. Чайковского;
- члены последовательности определяются по правилу Фибоначчи, т.е.: $a_{i+1} = b \times (a_{i-1} + a_i)$, где b - некоторый поправочный коэффициент.

Проведенные исследования позволили выявить для каждого из параметров закономерности, отвечающие поставленным условиям. В итоге, получен вид прогрессии, соответствующей:

- параметру A : $G_{old}(A) = (1/\pi) \times [0,9987513 \times \pi / (\pi - 1)]^k$; $a_{k+1} = 0,870771 \times (a_{k-1} + a_k)$;
- параметру A_p : $G_{old}(A_p) = (\Phi/e) \times [0,999957 \times \pi / e]^k$; $a_{k+1} = 0,619569 \times (a_{k-1} + a_k)$;
- отношению A/A_p : $G_{old}(A/A_p) = [2/(\pi - 1)] \times \Phi^k$; $a_{k+1} = 1 \times (a_{k-1} + a_k)$.

Необходимо отметить, что коэффициенты $0,9987513$ и $0,999957$ получены при сравнении A и A_p ,

Табл. 2.

ФИО	Показатель одаренности, % по			Активность Солнца (по индексу Вольфа) за время эмбрионального развития	ФИО	Показатель одаренности, % по			Активность Солнца (по индексу Вольфа) за время эмбрионального развития
	значению A	значению A_p	значению A/A_p			значению A	значению A_p	значению A/A_p	
Пушкин А.С.	99,99	99,99	97,03	Глобальный максимум	Лермонтов М.Ю.	57,42	25,20	82,92	Между min и max. К max
Чайковский П.И.	99,50	98,93	91,05	Глобальный максимум	Паганини Н.	53,90	74,14	85,54	Между max и min. К min
Больцман Л.	99,39	30,07	25,86	Глобальный минимум	Галуа Э.	52,76	71,57	27,94	Глобальный минимум
Прокофьев С.С.	98,74	81,44	71,07	Между min и max. К max	Нельсон Г.	51,77	83,37	86,95	Между max и min. Локальный максимум
Ампер А.-М.	98,62	4,72	39,75	~ Глобальный минимум	Максвелл Дж.К.	47,08	77,84	58,29	~ Глобальный максимум
Есенин С.А.	98,17	17,54	8,28	Между max и min. К min	Эйнштейн А.	45,66	58,40	18,33	Глобальный минимум
Шопен Ф.	97,84	63,34	91,90	Глобальный минимум	Планк М.	45,00	57,82	59,81	Между min и max. К max
Достоевский Ф.М.	97,76	41,20	23,37	~ Глобальный минимум	Мусоргский М.П.	44,49	74,34	55,41	~ Глобальный максимум
Толстой Л.Н.	96,66	81,80	39,74	Между min и max. К max. Локальный максимум	Пикассо П.	40,15	10,46	45,91	Между min и max. К max
Менделеев Д.И.	95,27	31,56	78,63	Глобальный максимум	Ленин В.И.	40,02	21,76	67,68	Глобальный максимум
Риман Г.	93,44	65,42	15,70	Между min и max. К max	Шостакович Д.Д.	39,39	96,77	80,69	Глобальный максимум
Бутлеров А.М.	93,23	78,45	32,73	Между min и max. К max. Локальный максимум	Репин И.Е.	33,00	39,15	22,75	~ Глобальный минимум
Фарадей М.	87,97	77,97	28,71	Между max и min. К min	Ландау Л.Д.	31,15	90,01	72,58	~ Глобальный максимум
Роден О.	85,98	85,07	16,01	Между max и min. К min. Локальный максимум	Булгаков М.А.	30,59	35,28	28,86	Между min и max. К max
Бетховен Л.	85,94	30,54	57,24	Глобальный максимум	Бородин А.П.	29,53	76,54	93,03	Глобальный минимум
Лобачевский Н.	83,22	45,37	28,51	Между max и min. К min	Сталин И.В.	27,71	14,95	80,15	Между min и max. К max
Тесла Н.	83,04	78,98	80,44	Глобальный минимум	Бор Н.	24,52	86,170	24,57	~ Глобальный максимум
Циолковский К.Э.	80,03	98,80	78,74	Между min и max. К max	Тарковский А.	20,71	72,05	9,97	~ Глобальный минимум
Моцарт В.А.	79,07	60,38	27,23	Глобальный минимум	Винер Н.	18,65	24,52	25,10	Между max и min. К min
Скрябин А.Н.	73,80	96,20	88,90	Глобальный максимум	Ван Гог В.	18,02	76,16	16,75	Между max и min. К min. Локальный максимум
Байрон Дж.	69,26	48,73	96,45	Глобальный максимум	Мане Э.	17,87	43,65	47,78	Глобальный максимум
Стравинский И.Ф.	69,09	88,34	37,66	Между min и max. К max	Вернадский В.И.	13,98	86,44	35,68	Между max и min. К min
Мечников И.И.	68,78	63,60	91,72	Глобальный максимум	Клаузиус Р.	13,29	47,26	56,75	Глобальный минимум
Бальзак О.	66,97	52,97	84,97	~ Глобальный минимум	Малевич К.	7,35	91,37	86,96	Между max и min. К min
Гейне Г.	64,38	95,04	72,58	Между max и min. К min	Наполеон Б.	7,11	79,01	13,05	Между min и max. К max
Пастер Л.	59,37	65,31	63,83	Глобальный минимум	Резерфорд Э.	3,20	92,30	81,34	Глобальный максимум
Станиславский К.	57,43	30,37	75,51	Между max и min. К min	Рахманинов С.	2,92	30,79	35,52	Между max и min. К min

вычисленных для А.С. Пушкина и П.И. Чайковского, с ближайшими членами рядов $G_{old}(A)$ и $G_{old}(A_p)$. При этом, вызывает интерес совпадение поправочных коэффициентов:

- $b(A) = 0,870771$ и отношений: $(e/\pi) = 0,865256$ (относительная погрешность равна $|0,6374| \%$; $\pi^{2/3} / (1 + \pi^{1/3}) = 0,87034$ (относительная погрешность равна $|0,05| \%$);

- $b(A_p) = 0,619569$ и величины $\Phi^{-1} = \varphi = 0,618033989$ (относительная погрешность равна $|0,2484| \%$);

- $b(A/A_p) = 1$ и величины $\Phi^0 = 1$ (относительная погрешности равна 0%).

Таким образом, можно предположить, что численные значения A , A_p и A/A_p , равные какому либо из чисел $G_{old}(A)$, $G_{old}(A_p)$ и $G_{old}(A/A_p)$ соответственно, определяют высший уровень потенциальных способностей человека. Следовательно, чем больше расчетные A , A_p и A/A_p отличаются от ближайших значений построенной для каждого параметра прогрессии $G_{old}(A)$, $G_{old}(A_p)$ и $G_{old}(A/A_p)$, тем менее одаренной является личность.

Учитывая значительное отличие абсолютных величин каждого из параметров A , A_p и A/A_p между собой, а также постоянно увеличивающуюся разность между соседними членами геометрических прогрессий $G_{old}(A)$, $G_{old}(A_p)$ и $G_{old}(A/A_p)$, представляется целесообразным сопоставить натуральные логарифмы наиболее близко расположенных значений A , A_p , A/A_p и чисел, составляющих $G_{old}(A)$, $G_{old}(A_p)$, $G_{old}(A/A_p)$. При этом показатель, характеризующий одаренность человека, вычисляется следующим образом:

- по параметру A : $[\ln(A_i) - \ln(G_{old}(A)_i)] \times 100 / \{[\ln(G_{old}(A)_i) - \ln(G_{old}(A)_{i-1})] / 2\}$,

где: $[\ln(G_{old}(A)_i) - \ln(G_{old}(A)_{i-1})] / 2 = 0,19096524$;

- по параметру A_p : $[\ln(A_{p,i}) - \ln(G_{old}(A_p)_i)] \times 100 / \{[\ln(G_{old}(A_p)_i) - \ln(G_{old}(A_p)_{i-1})] / 2\}$,

где: $[\ln(G_{old}(A_p)_i) - \ln(G_{old}(A_p)_{i-1})] / 2 = 0,072343443$;

- по отношению A/A_p : $[\ln(A/A_p)_i - \ln(G_{old}(A/A_p)_i)] \times 100 / \{[\ln(G_{old}(A/A_p)_i) - \ln(G_{old}(A/A_p)_{i-1})] / 2\}$,
где: $[\ln(G_{old}(A/A_p)_i) - \ln(G_{old}(A/A_p)_{i-1})] / 2 = 0,240606$.

Результаты расчета показателя одаренности приведены в табл. 2.

Анализ данных табл. 2, проведенный на основании изучения биографий рассматриваемых личностей позволяет сделать следующие выводы и предположения:

1. Совпадение высоких значений показателя одаренности, рассчитанных по каждому из трех параметров (порядка 70% и выше) определяют истинного гения, т.е. индивида, способного жить и творить в гармонии с природой и самим собой, имеющего выход во Всеобщее информационное поле, предложившего принципиально новое, не мыслимое для обычного человека, направление в какой либо сфере деятельности, оставившего основополагающее наследие потомкам, обладающего могучей волей и исключительной способностью к концентрации энергии организма, достижению полной внутренней сосредоточенности, необыкновенным трудолюбием (А.С. Пушкин, П.И. Чайковский, С.С. Прокофьев, Ф. Шопен, Н. Тесла, К.Э. Циолковский, А.Н. Скрябин, И.И. Мечников, Г. Гейне).

2. Показатель одаренности, вычисленный по:

- отношению A/A_p , отражает духовный мир личности во всем его многообразии. Высокие показатели одаренности свойственны сильным духом, цельным, упорным, исключительно трудолюбивым, творческим людям, работающим продуктивно и обязательно добивающимся поставленной цели (О. Бальзак, К. Станиславский, М.Ю. Лермонтов, И.В. Сталин). Однако, сам по себе данный показатель, взятый отдельно, не достаточно информативен по отношению к врожденным способностям, а является своего рода комплексной характеристикой человека, потенциальные достижения которого обусловлены больше усердием, чем талантом;

- параметру A_p , который указывает на склонность личности к делам, связанным с естественным стремлением человечества (и, в частности, выдающихся его представителей) познать и объяснить окружающий мир (включая общественные отношения), цель которых - изменение жизни социума или отдельных групп людей, разви-

тия науки, техники, культуры и т.п. Наилучший показатель одаренности (70% и выше) указывает на возможность индивида внести существенный вклад мирового уровня в той или иной области приложения сил (Б. Наполеон, М. Бор, В.И. Вернадский, В. Ван Гог, М.П. Мусоргский, А.П. Бородин и другие);

- величинам A_p и A/A_p , рассматриваемых в совокупности, характеризует достижения в работе, связанной с природой, естеством человека и взаимоотношения людей в обществе, всем тем, что окружает каждого из нас на протяжении жизни, т.е. некий критерием качества деятельности. Чем выше оба показателя, тем больших результатов (в виде разработки и реализации научных, политических, военных и других концепций, наличие последователей, сподвижников, научных школ и т.п.) на выбранном поприще следует ожидать (Н.Паганини, Д.Д. Шостакович, Г. Нельсон, Г. Гейне, Л.Д. Ландау, К. Малевич);

- параметру A , который позволяет оценить уровень доступа к информационным полям высшего порядка, что объясняет: наличие дара предвидения, благодаря которому и достигнуты те значительные успехи (на уровне человеческого понимания), гармонию человека, природы и общества (хотя люди имеющие большие величины A иногда воспринимаются окружающими не адекватно, как бы «не от мира сего»). Но высокие значения только этого показателя не указывают на обязательность достижения великих свершений. Полнота реализации природного дара во многом зависит от величины показателей, определенных по параметрам A_p и (или) A/A_p .

3. В период эмбрионального развития перечисленных выдающихся деятелей, кроме С.С. Прокофьева, С.А. Есенина, Г. Римана, М. Фарадея, Н. Лобачевского, К.Э. Циолковского, И.Ф. Стравинского, Г. Гейне, К. Станиславского, М.Ю. Лермонтова, Н. Паганини, М. Планка, П. Пикассо, М.А. Булгакова, И.В. Сталина, Н. Винера, В.И. Вернадского, К. Малевича, Б. Наполеона, С. Рахманинова ($36,4 \%$ от общего количества исследуемых людей) активность Солнца была экстремальной.

Резюмируя изложенное, можно утверждать, что чем ближе совпадение показателя одаренности с одним из членов ряда $G_{old}(A)$, $G_{old}(A_p)$ и $G_{old}(A/A_p)$, тем более серьезных достижений следует ожидать от того или иного человека. Однако, сам по себе факт совпадения показателя одаренности индивидуума с расчетным значением только одного из приведенных рядов, не указывает на то, что человек добьется в жизни больших успехов. Выдающихся результатов могут добиться люди, имеющие как минимум две (из трех) одинаковые величины исследуемого показателя с числами соответствующих рядов. Такой вывод позволяет прогнозировать наиболее вероятное рождение высокоодаренных людей по параметрам внешней энергетики A и A_p .

Необходимо также отметить не большую продолжительность жизни наиболее талантливых представителей человечества. К.Э. Циолковский, основываясь на своем взгляде на Вселенную, предлагает в качестве объяснения такой ситуации следующую гипотезу. «Есть другой повод допускать гибель великих в расцвете их силы. Гений уже сделал много, достиг апогея своего развития. За ним должен наступить практический успех, торжество избранного. Он получает власть. Власть портит несовершенную природу человека, возвращает его очень скоро. Наш сохранившийся ге-

ний идет обратным ходом. В нем разочаровываются окружающие. Он уже не может служить вечным образчиком истины и величия. При сохранении гениев не было бы живых идеалов. Все же неожиданная гибель многих даровитых людей не совсем понятна. Может быть, неизвестная будущая судьба, которая ожидала погибших, объяснила бы нам их безвременную смерть как благой поступок причины (космоса)» [1].

Принимая во внимание мнение К.Э. Циолковского, можно предположить, что биосфера находится в равновесном состоянии, которое регулируется и поддерживается во времени внешней энергетикой космического происхождения. Для косвенного подтверждения вышесказанного следует сослаться на «Закон квантитативной компенсации в функциях биосферы в связи с энергетическими колебаниями в деятельности Солнца», установленный А.Л. Чижевским [2]. Согласно этому закону, количественное соотношение численности организмов в биосфере в среднем сохраняется путем компенсации усиленного размножения в одной области и его замедлением в другой области. Возможно также, что внешняя энергетика поддерживает и качественное равновесие в социуме, т.е. число наиболее одаренных людей компенсируется соответствующим количеством умственно отсталых.

References:

1. Ciolkovskij K. Je. Genij sredi ljudej [Genius among people], Sost. L.V. Golovanova, E.A. Timoshenkovoj. – Moskva., Mysl' [Thought], 2002. - 542 p.
2. Chizhevskij A.L. Kosmicheskiy pul's zhizni: Zemlja v ob#jatijah Solnca. Geliotaraksija [Space pulse of life: the Earth in the arms of the Sun. Heliotaraxy]. – Moskva.: Mysl' [Thought], 1995. – 766 p.

Литература:

1. Циолковский К.Э. Гений среди людей., Сост. Л.В. Голованова, Е.А. Тимошенконой – Москва., Мысль, 2002. - 542 с.
2. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия.- Москва, Мысль, 1995. – 766 с.

Information about authors:

1. Michail Treschalin – Doctor of Technical sciences, Full professor, Lomonosov Moscow State University; address: Russia, Moscow city; e-mail: mtreschalin@yandex.ru
2. Anna Treschalina - Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Institute of Public Administration Law and Innovative Technologies; address: Russia, Moscow city; e-mail: anna468@yandex.ru

**HOLISTIC APPROACH TO THE
RESEARCH OF MORAL AND AESTHETIC
CONSCIOUSNESS NATURE**

T. Poplavskaya, Candidate of Philosophy, Associate Professor
South-Ukrainian National Pedagogical University named after
K.D. Ushinsky, Ukraine

According to the author, the holistic approach in researches on nature of consciousness and its aspects offered for consideration, can introduce new possibilities into the existing theory of cognition, as well as new prospects of its further development. Only basic principles of the holistic approach are analysed in the paper, and the possible and far-reaching logical consequences of application of these principles in humanitarian knowledge are marked out.

Keywords: holism, consciousness, soul, ethical, aesthetic.

Conference participant,
National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

**ХОЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К
ИССЛЕДОВАНИЮ ПРИРОДЫ
ПРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО
СОЗНАНИЯ**

Поплавская Т.Н., канд. филос. наук, доцент
Южноукраинский национальный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского, Украина

Предлагаемый к рассмотрению холистический подход в исследованиях природы сознания и его аспектов по мысли автора, может привести в существующую теорию познания новые возможности и перспективы её дальнейшего развития. В статье анализируются только основные принципы холистического подхода и обозначены возможные и далеко идущие логические последствия применения данных принципов в гуманитарном знании.

Ключевые слова: холизм, сознание, душа, этическое, эстетическое.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i9.1365>

В последнее время в научно-философских публикациях разного толка стали часто встречаться такие понятия как «холизм», «холистическая методология», «холистический подход». Как показал анализ этих публикаций, не всегда авторы понимают сущность данного понятия, а также способ познания - «холистический подход». Поэтому хотелось бы поделиться своими изысканиями в этой области философского знания с теми коллегами, кто действительно интересуется возможностями современного неохоллизма.

Основным и главным постулатом холистического подхода к познанию того или иного феномена является тезис «Целое больше суммы своих частей». Однако и в системном подходе целое тоже больше суммы своих частей. Отличие заключается в том, что в холизме целое предшествует своим частям, организует, выстраивает, завершает эти части, сообщает им бытие, которым они сами по себе не обладают. Здесь синтез предшествует анализу, в то время как в системном подходе анализ предшествует синтезу и целое познается через анализ его частей.

Как объясняет А. Дугин в лекциях по «Философии Традиционализма», холистическому подходу свойственна одна черта: некая кон-

тинуальность (последовательность), отсутствие разрывов. Холистический подход предполагает одновременное схватывание всего явления, вещи, предмета, прозрение в суть того, что является общим для цепочки существ, вещей, явлений. Такой стиль познания отрицает необходимость (и даже возможность) специального научного языка, категориального мышления. Категориальность предполагает строгую дефиницию терминов, при которой каждый термин, описывающий вещь или явление, четко обозначен. В философии Традиции, в свойственном ей холистическом подходе, никакого категориального деления не существует [1, с. 56-57].

Есть еще одна существенная особенность холистического подхода – признание в качестве аксиомы многомерность и многоуровневость исследуемых объектов, будь то Человек, Общество или Вселенная. Исходя из данного посыла, в холистическом подходе применяется многомерная логика, которая также отличается от классической аристотелевской логики, как евклидова геометрия отличается от теории относительности Эйнштейна. Объяснение такой логики мы можем найти у Ламы Анагарики Говинды: «Западная логика движется к объекту мышления или созерцания по прямой линии, от некоторой определенной

«точки зрения», однозначно сформулированной предпосылки; в то время как восточный способ мышления скорее состоит в движении по кругу объекта созерцания. Западная «лобовая атака» приводит к более быстрому и однозначному результату, однако он столь же односторонен, сколь и однозначен. Восток достигает результата путем постоянно возобновляющейся «концентрической атаки», двигаясь к объекту по сужающимся кругам; в результате суммирования или интегрирующего совмещения единичных впечатлений, полученных с разных точек зрения, формируется многостороннее, т.е. многомерное впечатление, до тех пор, когда на последней, концептуально непостижимой стадии этого концентрического приближения испытывающий субъект отождествляется с объектом созерцания» [2, с. 207].

Приведем пример холистической логики, как ее объясняет Лама Говинда: 1) есть; 2) не есть; 3) есть и не есть; 4) ни есть, ни не есть. Иначе говоря эти четыре утверждения постулируют: 1) бытие; 2) небытие; 3) как бытие, так и небытие; 4) ни бытие, ни небытие. Первые два утверждения относятся к сфере конкретных объектов, воспринимаемых чувствами или посредством понятий, к сфере фиксированных сущностей, где мы можем говорить о тождественности или нетождественности

ности. Другими словами речь идет о физическом плане бытия, том плане, изучением которого занимаются естественные науки. Третье утверждение относится к сфере относительного и соответствует событиям, происходящим на уровне живых организмов. Это психологический план бытия, поэтому у биологов и психологов, использующих познавательные стратегии физического плана возникает очень много противоречий. Четвертое утверждение относится к сфере трансцендентального опыта, превышающего чувственное восприятие и понятия, поскольку его объекты бесконечны и доступны только интуиции, т.е. непосредственному (прямому) опыту или опыту высших измерений [2, с. 208]. Это духовный план бытия, который исследуется в богословии или теологии и здесь обычно применяется апофатический метод познания. В контексте данного метода целое и части объявляются тождественными и нетождественными, а целое – реальным и нереальным в одно и то же время.

Схожее понимание многоуровневости реальности, а также многомерности познавательных стратегий мы можем найти и у известного американского философа и психолога Кена Уилбера. В статье «Физика, мистицизм и новая холографическая парадигма» [3] он указал, что «вечная философия» описывает бытие и сознание как иерархию уровней, от низших и самых фрагментарных областей до высших, тончайших и самых унитарных. Почти во всех мировоззрениях прослеживаются следующие главные уровни: 1) физический уровень неживой материи/энергии; 2) биологический уровень живой, чувствующей материи/энергии; 3) психологический уровень ума, Эго, логического мышления; 4) тонкий уровень парапсихологических и архетипических явлений; 5) причинный уровень, характеризующийся бесформенным сиянием и совершенной трансценденцией; 6) абсолютное сознание и таковость всех уровней спектра.

Особенностью холистического подхода является то, что каждый уровень спектра трансцендирует и включает все предыдущие, но не наоборот. Поскольку низшее, согласно «вечной

философии», создано высшим (в процессе, называемом «инволюцией»), высшее не может быть объяснено из низшего. Каждый из нижележащих уровней имеет более ограниченный и контролируемый круг сознания, чем вышерасположенный. Элементы низших миров не в состоянии воспринимать высшие миры и не знают об их существовании, хотя те пронизывают их.

Исходя из такого представления о природе реальности, практически невозможно отделить онтологию от эпистемологии. На этом настаивает философ в своей другой статье «Ответ критическому реализму в защиту интегральной теории», где он пишет: «... эпистемология и онтология суть два разных измерения одной и той же Целостности реального события, и их нельзя разрывать на фрагменты без нанесения насильственной травмы Космосу» [4].

Пытаясь объяснить свою точку зрения, Кен Уилбер обращается к открытиям в области квантовой теории, где в последнее время были обнаружены способы применения её познавательных принципов к явлениям всех масштабов – от самых малых до самых крупных, — а также к механизмам мозга, биологии и т. д., при этом она остаётся, благодаря своей продуктивности, «самой успешной физической теорией всех времён» [4]. «В этой теории примечательно то, насколько крепко она соединяет эпистемологию и онтологию — они, на самом деле, со-вызывают друг друга. Иная эпистемология вызывает иную онтологию, а иная онтология будет коррелировать с определённой иной эпистемологией — каждая из них, так сказать, вызывает к жизни соответствующее измерение (или совместно созидает его)» [4]. Именно в данной ситуации субъект отождествляется с объектом, как об этом говорил Лама Анагарика Говинда.

Трудность применения такого подхода заключается в доминировании определенного типа ментальности у большинства наших современников. Его называют рассудочным или рациональным, воспитанным формальной одномерной логикой, которая, двигаясь по прямой линии к любому дан-

ному объекту, разрезает мир на части ножом своего «или-или», чтобы построить из безжизненных кусков расчлененного мира всего лишь концептуальный и совершенно абстрактный универсум.

Холистическое познание свободно от частичности и преодолело такие крайности, как выпячивание роли субъекта. Оно является видением мира синтеза, опытом космического сознания, где Бесконечное реализуется не только в понятиях, но и на самом деле. Исходя из такой логики, невозможно решить проблемы, относящиеся к более высокому уровню с точки зрения более низкого уровня, например исследование природы сознания через изучение строения человеческого мозга.

Возвращаясь к теме статьи, посвященной исследованию нравственного и эстетического сознания, используя холистический подход, мы, естественным образом должны сначала рассмотреть собственно природу сознания, как некоторого целого, которым оно является в отношении к своим частям или аспектам – этическому и эстетическому, и рассмотреть по отношению к какому более сложному целому сознание является частью и т.д., совсем как в притче про черепах. Но вот как раз здесь и начинаются большие проблемы в восприятии выводов, следующих за таким посылом. Если события, происходящие на более низших планах бытия являются следствием событий, происходящих на более высших планах, то исследование этих событий или процессов и нужно начинать сверху вниз, от абстрактного к конкретному, а не снизу вверх. Поэтому в холистическом подходе природа сознания рассматривается ни как продукт мозга, т.е. физического уровня, а как аспект души, т.е. «продукт» трансцендентного уровня.

В современной психологии, так сказать науке о душе, нет места душе, это понятие не является научным, здесь изучают психические процессы, психические состояния и психические свойства организма: мышление, поведение, восприятие, память и т.д. Согласно учебникам по психологии, психика является функцией высокоорганизованной материи — мозга,

закрывающейся в активном отражении объективного мира. Психика есть отражение или результат такого отражения — отражение нашим мозгом внешнего мира всегда является субъективным образом объективного мира [5].

Поэтому для психологов человек еще долго будет оставаться тайной, впрочем, так же как и природа собственного сознания.

Мы не будем вдаваться в подробности судьбы понятий «душа» и «сознание» в европейской психологии и философии, хотелось бы только отметить те проблемы, которые до сих пор остаются не решенными средствами физикалистского, механистического подхода к проблеме сознания.

Как объясняет сущность проблем науки о сознании профессор когнитивной нейробиологии и психологии Анти Ревонсуо, главным вопросом, стоящим перед учеными является вопрос о соотношении сознания и мозга. Сам Антти Ревонсуо является сторонником эмерджентного материализма и считает его наиболее правдоподобной теорией взаимоотношений между сознанием и мозгом. Она действительно смогла ответить на многие вопросы, однако существует еще целый ряд дополнительных вопросов, которые еще ждут своих ответов. Например, вопрос о природе различий, существующих в мозге во время осознанного и бессознательного состояния; вопрос о природе различий между феноменальным сознанием и рефлексивным; вопрос о процессах в мозге и в сознании во время мистических переживаний и во время ОСП (околосмертное переживание) и ВТП (внетелесное переживание). Ученый мечтает о том, что в будущем обязательно появятся «новые методы томографии мозга, которые позволят напрямую «увидеть» феноменальный уровень в мозге и, таким образом, станут объективными «датчиками» сознания. Это решит проблему «другого разума», а может быть, даже поможет нам понять, что значит быть летучей мышью. Возможно метод томографии мозга, который позволит «увидеть» сознание в мозге, назовут «ловцом снов», ведь с его помощью можно будет объективно реконструировать

феноменальное содержание сновидений, просто сканируя мозг спящего человека — и при этом не нужно будет спрашивать его, помнит ли он, что ему снилось (Revonsuo, 2006). Благодаря «ловцу снов» субъективное содержание сознания превратится в объективные данные и будет похоже на любые другие данные сканирования мозга!» [6, с. 310].

Как видно из приведенной цитаты, шведский профессор в восторге от перспектив развития материалистической теории сознания. Меня же эта перспектива настораживает, если не сказать пугает. Я плохо представляю себе человека, захотевшего сделать свой субъективный мир достоянием научной общественности! Впрочем, не все так плохо. У материалистической теории есть одно, но очень слабое место. Как указывает автор цитируемой монографии, единственные данные, которые могли бы очевидно противоречить онтологической зависимости сознания от мозга, связаны с ВТП и ОСП. «Но если окажется, — пишет А. Ревонсуо, — что гипотеза умирающего мозга не сможет объяснить ОСП, тогда все материалистические концепции могут оказаться несостоятельными» [6, с. 311].

Как оказалось в результате исследования современных концепций сознания, гипотеза умирающего мозга действительно не может объяснить околосмертные переживания. Этой темой вплотную занимаются ряд специалистов в области психиатрии, нейрохирургии и нейропсихологии, продолжая начатую работу небезызвестного доктора медицины, философии и психологии Раймонда Моуди, который в 1975 году выпустил книгу «Жизнь после жизни». В ней он впервые назвал этот феномен «околосмертными переживаниями», которые включают в себя когнитивный, эмоциональный и трансцендентный аспект.

В 1981 году была основана Международная Ассоциация по изучению ОСП. Ее целью является «развитие надежных, междисциплинарных исследований околосмертных и подобных им переживаний, их воздействие на жизнь людей и влияние на взгляды на жизнь, смерть и человеческое назначение» [7].

Ученик и продолжатель исследований доктора Р. Моуди, доктор медицины и директор отдела по исследованию восприятия в университете Вирджинии Брюс Грейсон указывает на то, что разум существует отдельно от мозга; во время клинической смерти, у пациентов с нарушениями функций головного мозга, не было замечено нарушений ментальных функций. В большинстве случаев умственная деятельность пациентов во время клинической смерти выше, чем в обычной, сознательной жизни — сказал Грейсон во время интервью газете The Epoch Times. Они мыслят быстрее, четче, более связно, контролируют ход мыслей. Восприятие становится более острым, а воспоминания более яркими [8].

«Рано или поздно мы сможем объяснить научными терминами явления, находящиеся за пределами человеческой физиологии и психологии, — говорит доктор медицины Брюс Грейсон. — Думаю, мы изучили феномен ОСП лишь поверхностно» [8]*.

Команда учёных из Университета Нью-Йорка, работающая во главе с Сэмом Парниа (Sam Parnia), провела эксперимент с участием 2060 пациентов, который длился более 4,5 лет. Учёные собрали доказательства того, что сознание человека по-прежнему работает, даже если всё остальное тело и мозг, как орган, уже могут считаться мёртвыми. «Полученные на сегодня данные говорят о том, что человеческое сознание не исчезает», — утверждает Парниа, врач госпиталя университета Стоуни Брук и директор программы по исследованию процессов реанимации. — «Оно остается в течение нескольких часов после смерти, пусть и в состоянии спячки, которое извне мы не можем увидеть» [9].

Профессор Кеннет Ринг (Kennet Ring) психолог и исследователь ОСП (околосмертного опыта) акцентировал свое внимание на влияние данных переживаний на поведение и характер тех, кто его пережил. Ученым рассматривались три широкие категории эффектов последствия: 1) изменения в «я»-концепции и личностных ценностях; 2) изменения в религиозной и духовной ориентации и 3) изменения в психическом осозна-

нии. «Как правило, - отмечает Кеннет Ринг, - такие люди склонны к поискам более глубокого понимания жизни, в особенности ее религиозных и духовных аспектов. Они также стремятся к самопознанию и, возможно, с большей охотой объединяются, читают или делают еще что-нибудь, способствующее достижению этих целей» [10].

Размышляя над результатами своих исследований, профессор Кеннет Ринг переходит от индивидуальных проблем к социальным. Он считает, что распространение и усовершенствование технологии реанимации будут способствовать увеличению числа людей приобретших околосмертный опыт и переживших, в связи с этим, радикальную духовную трансформацию. Он пишет: «Не исключено, что такие масштабы трансцендентального опыта в целом послужат для человечества эволюционным толчком к высшему сознанию. Не является ли сам по себе околосмертный опыт эволюционным механизмом, перебрасывающим людей на следующую стадию развития посредством раскрытия прежде дремавшего духовного потенциала? В самом деле, не видим ли мы в этих людях, преображающихся в более любящих и сострадательных, прототип новой – более духовной – ветви рода человеческого? Не представляют ли они собой «ранние плоды» нового поколения, рождающиеся уже в наше время, эволюционный мост к другому берегу в нашем видовом развитии, «недостающее звено» в нашей цепи? Это сложные и провокационные вопросы, но они не являются целиком и полностью спекулятивными» [10].

Основатель трансперсональной психологии профессор Станислав Гроф объединил несовместимое – психоделические эксперименты шестидесятых с академической наукой. Более 50 лет Гроф исследует возможности сознания. Он первым стал использовать ЛСД для лечения больных шизофренией, а когда галлюциноген запретили, разработал метод холотропного дыхания, влияющий на сознание так же, как ЛСД. В результате трансперсональная психология стала одним из официальных направлений психоанализа, а придуманный им метод дыхания, в основе которого древнеин-

дийские практики, признан в научных кругах как один из самых мощных видов психокоррекции.

Анализируя свой многолетний опыт исследования измененных состояний сознания, С. Гроф видит сложность в принятии его научных изысканий научным сообществом в определенном типе ментальности, которая сложилась в западной культуре под влиянием ньютоно-картезианской научной парадигмы. В своей книге «За пределами мозга» он пишет: «Десятилетиями механистическая наука упражнялась в защите своих систем убеждений, обзывая любое серьезное отклонение от перцептуального и концептуального соответствия ньютоно-картезианской модели «психозом», а все исследования, накапливающие несовместимые с ней данные, – «плохой наукой». И судя по всему, самый непосредственный вред эта стратегия нанесла теории и практике психиатрии. Современная психиатрическая теория не способна адекватно учесть широкий диапазон явлений, выходящих за рамки биографических реалий бессознательного, - таких как перинатальные и трансперсональные переживания, детально обсуждаемые на страницах этой книги» [11, с. 41].

Список современных ученых, исследующих природу сознания и его возможности, можно было бы продолжить, однако и сказанного достаточно, чтобы понять, что мы только в начале пути, ведущего к раскрытию всех тайн нашего сознания и применение холистического подхода в такого рода исследованиях может значительно расширить существующие познавательные стратегии. Возможно и понятие души займет свое достойное место в психологии нового века, тем более что все труднее будет академической науке игнорировать и априорно отрицать данные многих методологически верных и тщательно проведенных экспериментов только из-за того, что они несовместимы с традиционной системой убеждений.

Применяя холистический подход к исследованию природы сознания мы отходим от механистической и физиологической концепции, не отрицая тех достижений ряда наук о сознании, которые были сделаны за последние сто – сто пятьдесят лет, но используя их опыт в более широком контексте.

Таким широким контекстом по отношению к сознанию является душа человека, а исследования вышперечисленных ученых доказали нам её наличие и феноменологические особенности. Осталось только определиться с самим понятием «душа». В «Википедии» можно найти несколько вариантов объяснений данного понятия, однако все они считаются или религиозными, или философскими или устаревшими психологическими. Между тем опыт исследований внетелесного опыта и околосмертных переживаний может внести свои коррективы в современное понимание природы души. К сожалению, объем статьи не позволяет более подробно рассмотреть данную тему, тем не менее, сказанного вполне достаточно, чтобы самостоятельно, при наличии конечно же желания, изучить её и найти ответы на свои сокровенные вопросы.

Таким образом, холистический подход к исследованию любого феномена предполагает движение познания от целого к части, потому что именно целое предшествует своим составным частям, придает им смысл. Целое, в данном случае это душа, суть, сущность человека, «реально существующий холос – то пространство, то измерение, та точка, в которой присутствует все бытие одновременно и вместе взятое и которая является наиболее внутренним, глубоким, бытийным измерением по отношению к видимому ансамблю вещей» [1].

В случае с этическим и эстетическим сознанием, которые до сих пор рассматриваются как отдельные категории этики и эстетики, мы имеем следующую картину: этическое и эстетическое является степенью восприятия и глубиной понимания и переживания человеком Добра, Истины и Красоты. Такое восприятие, переживание и понимание является аспектами сознания, которое, в свою очередь, выступает свойством души.

Исследование именно душевной жизни, её особенностей и закономерностей, естественным образом приводит нас к пониманию природы тех сил, которые детерминируют и формируют её единство. В своем «Введении в философскую психологию»* известный русский философ С.Л. Франк,

объясняет нам, что это формирующее единство души есть реальная действующая инстанция, логически отличная от формируемого ею материала душевной жизни. Философ называет эту инстанцию сверхчувственно-волевым центром, который сосуществует одновременно с чувственно-эмоциональным, но выступает по отношению к нему как более высокая инстанция, как то начало, которое в философской традиции имеет значение Духа. Согласно мысли С.Л. Франка по поводу природы Духа, мы находим следующее определение: «Это есть начало совершенно иного порядка в душевной жизни, не имманентная, а трансцендентная, формирующая её сила – «глубокий Логос, присущий душе и сам себя питающий» по выражению Гераклита, «разумная часть души» в описании Платона, «действенный разум» по характеристике трезвого Аристотеля. Своеобразие его переживания состоит, коротко говоря, в том, что в его лице мы непосредственно имеем то коренное и глубочайшее единство нашего «я», которое связует наше душевное существо сверхиндивидуальной сферой абсолютного, или, вернее говоря, которое есть сама эта связь, само излучение абсолютного сверхиндивидуального единства в ограниченную область душевного единства индивида» [12, с. 551].

Каждый раз, когда в процессе нравственного, эстетического или религиозного творчества нам открывается бесознательная, самоочевидная высшая цель и ценность нашей жизни, мы вместе с тем переживаем непосредственное самораскрытие, присутствие в нашей душевной жизни этого безотносительного же последнего корня или единства нашего существа. «Поэтому, - пишет С.Л. Франк, - если «эмпирическая психология» склонна отрицать этот факт, окрашивающий совершенно своеобразным, характерным цветом внутренний духовный мир разумного человеческого существа, то – тем хуже для неё самой!» [12, с. 552].

Таким образом, применение холистического подхода к исследованию любых феноменов и вещей помогает исследователю расширить свои познавательные возможности и увидеть многообразие, многоуровневость и многоаспектность изучаемого фено-

мена, рассмотреть существующие связи между микро и макро мирами, микрокосмом и Макрокосмосом, между Человеком и Вселенной.

Современная парадигма науки в настоящее время существенно меняется, соответственно должны меняться и теория познания, и стратегии познания. «Наше социально ориентированное понимание того, как вещи реально существуют, серьезно устарело. Мы являемся ньютоновцами в эйнштейновском мире» – пишет современный западный мыслитель Р.Н. Беллах.

В этой связи представляется, что популяризация холистического подхода к исследованиям гуманитарного характера сможет разрешить целый ряд проблем связанных с провозглашением «смерти субъекта», с утерей смысла бытия, с утверждением его абсурдности, а также связанных с нарастанием отчуждения между человеком и его сознанием, его душой, духом, наконец со всем бытием в целом. Как отмечал в свое время П.С. Гуревич «...стремление к целостной, неразъемлемой картине мира вероятно глубинная, трудно насыщаемая потребность человека» [14].

References:

1. Dugin A. *Filosofija tradicionalizma* [Philosophy of traditionalism]. - Moskva., Arktoгеja-Centr, 2002. – 624 p.
2. Lama Anagarika Govinda.. *Tvorcheskaja meditacija i mnogomernoe soznanie* [Creative meditation and multidimensional consciousness]. - Moskva., Edinstvo [Unity], 1993. – 272 p.
3. Uilber K. *Fizika, misticizm i novaja holograficheskaja paradigma* [Physics, mysticism and the new holographic paradigm]. [Online source]., Access mode: <https://integraltranslations.wordpress.com/category/>
4. Uilber K. *Otvete kriticheskomu realizmu v zashhitu integral'noj teorii* [The answer to critical realism in support of the integrated theory]. [Online source]., Access mode: <https://integraltranslations.wordpress.com/category/>
5. Nemov R.S. *Psihologija* [Psychology]. - Moskva., VLADOS, 1999. Book 1. *Obshhie osnovy psihologii* [General fundamentals of psychology]. – 688 p.
6. Revonsuo A. *Psihologija soznaniya*

[Psychology of consciousness]. - St. Petersburg., Piter, 2013. – 336p.

7. IANDS official site (IANDS)., Access mode: <http://iands.org/home.html>

8. Grejson B. [Online source] Access mode: <http://www.theepochtimes.com/n3/606729-near-death-experiences-30-years-of-research-part-1/>

9. Parnia S. *Soznanie posle smerti: Strannye istorii s peredovogo kraja reanimacionnoj mediciny* [Consciousness after death: strange stories from the advanced edge of resuscitation medicine]. [Online source]., Access mode: <https://integraltranslations.wordpress.com/2013/04/26/soznanie-posle-smerti/>

10. Ring K. *Puti za predely jego* [Ways beyond ego]. [Online source] Access mode: http://naturalworld.ru/article_okolosmertny-opit-kennet-ring.htm

11. Grof S. *Za predelami mozga* [Beyond the brain].- Moskva., Institut Transpersonal'noj Psihologii [Institute of Transpersonal Psychology], 2000. – 504 p.

12. Frank S.L. *Dusha cheloveka* [Human soul]. *Opyt vvedenija v filosofskuju psihologiju* [Experience of introduction to philosophical psychology]. - St.Petersburg, Nauka [Science], 1995. – 633 p.

13. Cit. po: Markova L.A. *Teologija v jepohu postmodernizma* [Theology in the era of postmodernism]., *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. – 1999., No. 2., p. 122.

14. Gurevich P.S. *Diagnoz istoricheskogo kosmosa* [Diagnosis of the historical space]., *Mangejm K. Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time]. - Moskva., Jurist [Lawyer], 1994., p. 691.

Литература:

1. Дугин А. *Философия традиционализма*. - Москва., Арктогея-Центр, 2002. - 624 с.
2. Лама Анагарика Говинда.. *Творческая медитация и многомерное сознание*. - Москва., Единство, 1993. - 272 с.
3. Уилбер К. *Физика, мистицизм и новая голографическая парадигма*. [Электронный ресурс]., Режим доступа <https://integraltranslations.wordpress.com/category/>
4. Уилбер К. *Ответ критическому реализму в защиту интегральной те-*

ории. [Электронный ресурс], Режим доступа: <https://integraltranslations.wordpress.com/category/>

5. Немов Р.С. Психология. - Москва., ВЛАДОС,1999. Кн. 1. Общие основы психологии. - 688 с.

6. Ревонсуо А. Психология сознания.- СПб., Питер, 2013. - 336 с.

7. IANDS official site (IANDS), Режим доступа: <http://iands.org/home.html>

8. Грейсон Б. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.theepochtimes.com/n3/606729-near-death-experiences-30-years-of-research-part-1/>

9. Парниа С. Сознание после

смерти: Странные истории с передового края реанимационной медицины. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://integraltranslations.wordpress.com/2013/04/26/soznanie-posle-smerti/>

10. Ринг К. Пути за пределы эго. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://naturalworld.ru/article_okolosmertny-opit-kennet-ring.htm

11. Гроф С. За пределами мозга.- Москва., Институт Трансперсональной Психологии, 2000. – 504 с.

12. Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. - СПб., Наука, 1995. – 633 с.

13. Цит. по: Маркова Л.А. Теология в эпоху постмодернизма., Вопросы философии – 1999., № 2., С. 122.

14. Гуревич П.С. Диагноз исторического космоса., Мангейм К. Диагноз нашего времени. - Москва., Юрист, 1994., С. 691.

Information about author:

1. Tatyana Poplavskaya - Candidate of Philosophy, Associate Professor, South-Ukrainian National Pedagogical University named after K.D. Ushinsky; address: Ukraine, Odessa city; e-mail: poplavskaya.t@mail.ru

- Promotion of international consolidation and cooperation of business structures
- Promotion of development of commercial businesses of various kinds
- Assistance in settlement of relations between businessmen with each other and with social partners in business environment
- Assistance in development of optimal industrial, financial, commercial and scientific policies in different countries
- Promotion of favorable conditions for business in various countries
- Assistance in every kind of development of all types of commercial, scientific and technical ties of businessmen of different countries with foreign colleagues
- Promotion of international trade turnover widening
- Initiation and development of scientific researches, which support the effective development of businesses and satisfy the economic needs of the society
- Expert evaluation of activities in the field of settlement of commercial disputes, establishment of quality standards and defining of factual qualitative parameters of goods and services
- Legal and consulting promotion of business
- Establishment and development of activities of the international commercial arbitration
- Exhibition activities
- Holding of business and economic forums

www.iuci.eu

PUBLIC CONSCIOUSNESS MANIPULATION AS A FORM OF CENSORSHIP

E. Agapova, Ph.D. in Philosophy
S. Agapova, Ph.D. in Philology
L. Gushchina, Ph.D. in Philology
Southern Federal University, Russia

Since the invention of telegraph, radio and television making the contacts with a large audience possible, the social impact of communication via the mass media has been a subject of intense research by political and social scientists. Thus the authors consider the nature of manipulation in modern political discourse using the complex phenomenon of censorship and its ambivalent role in the modern society as the basis. The solution of the research tasks is carried out on the basis of the complex methodological foundation defining the general orientation and principles of the research, as well as its scientific results. This foundation includes the general philosophical methodological concept of dialectic materialism, the principles of unity of form and content, cause and effect, as well as the general connection of the phenomena. In conclusion, the authors state that the abovementioned phenomena are serious and dangerous, being able to influence people's consciousness, depriving them of their critical thinking, and even dooming them to the passivity of life.

Keywords: political discourse, manipulation, censorship, mass media.

Conference participants,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i9.1366>

1. Introduction.

The relevance of the present article is based on the fact that the beginning of the XXI century is accompanied by creation of the global informational space and formation of new people's world outlook greatly influenced by all means of mass communication. Nowadays the relevance of the state control has increased due to the need to cover the informational space of the modern post-industrial society in conditions of transformation of several governmental institutes. It should be mentioned that information itself represents one of the most important instruments of social management and, therefore, cannot be made public completely. Some information is secret and confidential. In this case, the fact of its existence can be regarded as the objective basis for the censorship.

It is obvious that censorship as a form of the governmental control over the contents and distribution of information should be viewed through the prism of the political discourse. In the last hundred years certain evolution and improvement of governmental technologies and social management has taken place. Modern mass media has created new opportunities for this purpose, increasing the efficiency of the use of information. Real revolution has occurred in social and political management. The main focus of evolution of technologies used by authorities and the purpose of their alterations and improvement assume the smallest expenditures of resources in order to gain the maximum effect of impact on people, providing their

voluntary subordination. A. Toffler (1990) notes that the superior quality and the greatest efficiency of the modern power is based on the knowledge that allows, firstly, to achieve the required goals spending minimum resources; secondly, to persuade people that they have own personal interests in this goal; and, thirdly, to turn their opponents into allies.

2. Public consciousness manipulation as a form of censorship in the modern society.

Mass media play an important role in modern society, being a powerful resource used by politicians. They have contributed to creation of such phenomenon as political language, which represents a special sign system intended for political communication. It is not a prerogative of professional politicians or government officials, but a resource that is open for all members of the language community and connected with the specific use of public language as a mechanism of persuasion and control. Political language can be defined as a subsystem of a national language, intended for the political communication, including propaganda of certain ideas, emotive impact on citizens and their subsequent motivation to certain political actions, as well as development of public consensus. Political language is generally available, as it is situated between two poles: the functionally caused special language and the slang of a certain group with the ideology peculiar to it. It is deprived of the "secret

speech" property, containing no specific lexicon unknown and unfamiliar to some members of the society. Thus, language becomes political due to the contents of transmitted information and circumstances in which the distribution of information and functions takes place.

Political language is a political reality as language is not only a tool used to describe certain events, but also their part. It can strongly affect the formation of their value, contributing to the shaping of political roles recognized by politicians and the society in general.

According to A.P. Chudinov (2003), there are four types of political communication: 1) office (internal, bureaucratic) political communication, focused on interactions inside the governmental or public institutions; 2) political communication in the public political activity, oriented towards various segments of population, being a form of implementation of professional and public work of political leaders and activists; 3) political communication of journalists focused on the mass audience in the form of interviews, analytical reviews in newspapers, written by journalists, political scientists and/or politicians; 4) political speech activity of "ordinary" citizens (not professionals in the field of political communication), participating in meetings, demonstrations, etc.

Thus, it is clear that the distinctive feature of political communication is its mass character. It explains why political language is used in different types of influence: persuasion, control,

manipulation, and why the mass media becomes its direct mechanism of implementation and realization.

The mass media forms a specific social institution, i.e. it addresses the society in the course of mass informational support of its functioning. It creates a peculiar informational analogue of social institutional activity in all its manifestations. The initial function of mass media is information transfer. The analysis of information transmitted through the mass media makes it obvious that there are a few info senders and a large number of its recipients out there. Taking into account that any power needs more mediated forms and means of communication between its carriers, executors of will of authorities and citizens, it is possible to note that the mass media is the powerful regulator of public opinion, regulating it through the information transfer to its large audience.

Thus it is undoubtedly connected with the term of "manipulation". Different extensions of meanings of this term affect the modern figurative sense of the word "manipulation" as a dexterous treatment of people as with objects and/or things.

It should be mentioned that the word "manipulation" in the meaning of an act of influence on people, management or some things with dexterity, especially with some scornful implication, as the hidden control or affection, has substituted the previous term "Machiavellianism" in political dictionaries (the name of the Italian politician N. Machiavelli became nominal for designation of the moral position - "the purpose justifies any means"). Such state of affairs is caused, firstly, by the shift of the leading accent from the suppositional look to the technological one when treating the given phenomenon; and, secondly, by expansion of a circle of phenomena to which the term "manipulation" belongs. Today the problem of qualities of certain political leaders is turning into the problem of activity of the whole governmental institutions and organizations. Thus, the term "manipulation" is applied to the mass media and political actions, directed towards program opinions and/or aspirations of masses, their mental conditions, etc. The ultimate goal of such efforts is gaining over population, its

manageability and governability, as well as obedience.

Summarizing the information given above, we can suggest that the term "manipulation" has a disapproving coloring. Therefore, we consider a manipulative impact as such influence on the addressee's behavior that is about to bring some negative emotions to the addressee, and that, according to S. Karamurza (2004), will induce the addressee to make certain acts eventually turning the addressee into "a loser or even a fool".

Being a kind of the hidden impact on the addressee and a specific way of control over the addressee, manipulation is characterized by unseemliness of the manipulator's actions and intentions, contradicting the addressee's will and causing damage to him/her. In our opinion, the main signs of manipulation are the following: 1) spiritual and psychological influence without any physical abuse (in this case, the targets of manipulation are people's mental structures) in the form of some psychological force or playing on the addressee's weaknesses; 2) orientation of the manipulator's actions in a way that his/her ultimate goal and the fact of influence remain unnoticed by the object of manipulation (who will keep on fooling himself with an illusion of independent decision-making and actions), – i.e. hidden influence; 3) the influence demanding certain knowledge and considerable skills; 4) treatment of the objects of manipulation as if they were not people, but things – means to achieve the manipulator's own purposes; 5) the wish to receive one-sided prize; 6) motivation; 7) the manipulator's skills in realization of his/her manipulative actions.

Nowadays, the mass media becomes a peculiar filter that sifts out certain ideas, increasing the value of the some of them and depreciating others, polarizing the whole field of culture in this way. In order to achieve these purposes the mass media use certain methodical techniques, such as: falsification of facts or direct lies, special selection of events of reality for the messages, gray and black propaganda, psychoses, changing the meaning of words and concepts, simplification and stereotyping, statements and repetitions, etc.

A man of the mass is a special reality with no aspiration for any changes and movement. Reflections are replaced with the spontaneous manifestation of the unconscious, motives are changed into impulses, definiteness is exchanged for intolerance. The cultural and creative position loses its status and value. Its place is taken by the consumer's position, directed toward the material, outside world. The replacement of the cultural domestic production with the western third-rate production contributes to it as well. The last is aimed at the revision of former cultural ideas and values, traditional ways of life, which have been characterizing the life of nations from generation to generation. Thus, the illusory forms of life, propaganda of non-spirituality and the consumer's treatment of reality, are imposed on people. The ideas of criteria of truth, good and beauty are erased. They imprinted with the force and arrogance of the modern progress on the masses, but forgot about the spirit. People become mechanistic; they lose the integrity of their own nature and as a result lose their ability to build adequate relations with the changing world.

It is easy to control such society. The majority of people are not capable to analyze and adequately resist the manipulative techniques because they consider benefits as their only goals and the meaning of life. Manipulation is possible due to control over information and communications that dictate affirmations, ideas, rules and models of human behavior. In other words, manipulation is possible in the presence of rigid censorship.

3. Censorship: to Be or not to Be.

In the modern society, preliminary and retaliatory censorship does not seem to be effective, but the authorities cannot lose the control over the processes occurring in the society. In this way, manipulation plays a great role and fulfills the functions of censorship. It proves to be one of the means of social control, being based, first of all, on the rigid use of the information apparatus and the apparatus of formation of ideas.

Manipulation-censorship fulfills certain functions that were not used by the usual censorship: 1) the diagnostics function, i.e. the act of recognition

that confirms a certain identity; 2) the administrative function, which assumes a system of symbolization of norms affirming the human right to do something independently from his/her symbolical status; 3) the function of producing a certain point of view.

The strong basis for manipulation of the mimicking censorship in modern society is formed by incompetence and low level of mass education. Thus, the object of manipulation is the conducted majority which prefers simplified interpretation over knowledge and loses the systemic image of reality.

Manipulation-censorship turns the homo sapiens into the person-consumer whose meaning of life, thus, gets a purely utilitarian component where there is no ambition for the ideal, no place for feats and service to the Fatherland. All thoughts and actions are directed at achieving own benefits, satisfaction of own stomach, etc. The society is breaking into atoms, thirsting for its own benefits and the place in the sun. Such condition is close to the state of an animal. Such society does not give birth to great writers, artists, playwrights, scientists. It gives rise to dullness, impersonality and consumption. The culture of such society is directed to satisfaction of ignoble purposes, and adapts to the lowest samples (modern show-business, false mirrors, various factories and houses).

The modern ideology invents a certain type of intellectual-language schemes, stamps, clichés, images, generalizing examples and samples, etc. not as subsidiary means, but as the resulting and highest effects of knowledge, i.e. the ultimate truth. Ideological products are made and reproduced for different circles of consumers of the ideological food. Some are for the elites, others – for the rest of the society. The individual has to digest these “products” and view the life phenomena only through their prism.

Today the ideology claims to have the status of the only truth in new information realities. A. Zinovyev believes that there are separate elements in the ideology that imitate the truth, make impressions of it. There are even separate true statements. But on the whole and generally those taking individuals away from the reality and creating a picture of the unreal, fictional

world dominate in it. This picture is not a lie, because such concepts of truth and falsehood cannot be simply applied to it. It is a qualitatively different phenomenon (Zinovyev, 2006). The fictional world is created in such a way that it would resemble the real one, relieving it of the necessity to reflect, fluctuate and make up tough decisions. Rules of human behavior in certain situations are created without scientific understanding of these situations, so to speak, blindly and offhandedly. As A. Zinovyev fairly considers, the ideology is neither true nor false. It is even impossible to treat it from the point of view of the verity and falsity. In other words, it is similar to considering the pictures of Picasso, Kandinsky and some other artists of the XX century of the same movement from the point of view of adequacy of the allegedly represented reality (Zinoveyv, 2006).

Thus, the ideology perverts reality, but the purpose is rather clear: it is connected with suppression of the dissent and fulfillment of the main censorial function – a ban. At the same time, the ideology turns into propaganda as a normal result of natural-historical development of the ideological sphere due to its objective laws. Owing to the latest manipulative techniques used in the modern society, the laws of censorship and the very institution of censorship are useless in the form in which they have existed from the moment of emergence of the first state. But it does not mean that censorship stops its existence since the moment of its cancellation. It is impossible for any society and any state to exist without the total control over thoughts and ideas circulating in the society. Censorship functions in the information society are fulfilled by means of ideology, consciousness manipulation, where falsification of facts is not on the last place. Information is selected and combined in a way that each phrase separately can be true, but their set gives a perverted picture of reality. Thus, the forged picture is created more than once and forever; it will change if the new conditions, opportunities and requirements emerge. It proves that there is a profound technique of manipulation of people’s thoughts in the way chosen by manipulators.

It has led to the more polluted environment than the natural one. But this fact does not trigger the concern, being undoubtedly unnoticed. However, we have to admit the fact that earlier forms of censorship, forbidding any activity and imposing bans on certain sorts of literature, still have not emasculated the ability to think and assess the reality adequately. From the point of view of the modern existence, such censorship was ineffective for the state. The modern form of censorship (manipulation) is much more complicated. Its basis assumes prevention of any dissidence of the majority of people by means of falsification of information, mosaicity of knowledge, etc. Human life has become so pragmatic, that individuals are generally given only that space inside which they can be manipulated.

Censorship works in different ways. States can have articles in their constitutions about the freedom of expression, laws, welcoming freedom of information, but at the same time informal performers of censorship can exist there. The Internet is such an example, where information filtering and blocking are applied at the software level. Thus, high-quality changes in public life are followed by changes of forms of censorship, but they do not imply the disappearance of the phenomenon. Censorship is ontological; it is implanted in the foundations of the society. Today we can rather often come across some appeals to renewal of institutions of censorship and acceptable legislation in the mass media. The state must introduce censorship in order to provide the information safety of the person, society and state, not to allow the concentration of power in the hands of shadow forces and dictatorship of their own interests. Censorship is urged to provide the freedom of thought, ideological struggle between individuals, groups and social classes, reliably stopping the fight between the society and the state on the whole. A.S. Pushkin considered such censorship not as the enemy of freedom of press, but as its indispensable condition. However, in our opinion, such actions are senseless at the modern stage of the social development. Censorship did not provide freedom of thought and ideological struggle at any

stage of historical development of the society. It is explained by the fact that this activity was implemented by people, and a person is far from perfect, as stated by Aristotle. So it is not correct enough to raise a question of whether censorship is necessary or not in the society. It was, is and will be based on our desires. The concept of censorship is much broader than its understanding accepted to perceive this phenomenon. The society, state and any other structures exist only until the majority is under control. And this is possible due to many factors among which one can find bans, censorship and manipulative techniques of the modern stage, implying the phenomenon of the very censorship in fact.

It is curious that the word “census” has two meanings supplementing one another: 1) restrictive conditions of allowing the person to exercise any rights (property qualification, educational qualification, resident qualification), and 2) statistical census. The true content of the phenomenon of censorship is found in the borderland between these externally fetterless semantic fields; it is the desire to treat everyone alike in order to possess the formal right to forbid, and so – to order.

It was K. Jung who openly appealed to judiciousness of his colleagues, bending before the chimera of “scientific statistics”. He spoke about the virtuality of existence of the average size of sea pebble. Probably, among the myriads of pebbles on the whole beach one will hardly ever find a sea pebble with a length of 3,567 inches. But this illusory size

will make every existing pebble feel defective, i.e. guilty. Censorship as a system of implementation of the state supervision (providing the opportunity to preview) over the contents of printed editions, radio- and telecasts, theatrical performances, etc. actually becomes the instrument of protection of privileges of the mighty of this world. At a closer look, censorship represents the ordinary outrage, based on the stiffened worldview of the narrow-minded, painfully convinced in a “lawful” necessity “to hold but not let in”.

4. Conclusion.

Thus, it is possible to assume that the authors, who protect censorship and approve both its anti-naturalism and harm, are equally mistaken. Censorship as a phenomenon has a supernatural essence. It is impossible to apply the “good-bad” measurement scale to it. Any research has to take place in the framework of analysis of consequences of a certain form of censorship for the concrete society, culture on the whole and some subcultures in particular. Ideally, censorship has to keep the high cultural level, preventing it from penetration of the low-quality literature and information, which destroy public consciousness and lead to social degradation. However, the modern mimetic censorship – the censorship in the form of selection and filtration of information by mediocracy, is not obvious, but hidden and more effective due to the usage of manipulative techniques in order to achieve the control over information. In the modern society

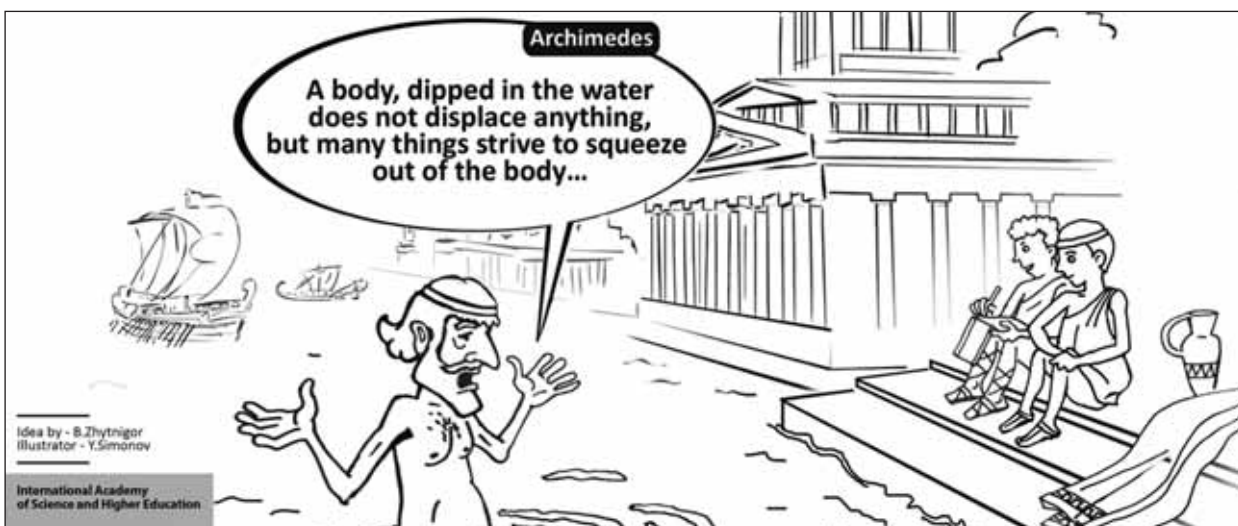
it is a more serious and dangerous phenomenon as it influences the consciousness of individuals, making them stop thinking critically, and dooming them to the passivity of life.

References:

1. Zinoviyev, Alexander. 2006. Factor Ponimaniya [Factor of understanding]. - Moscow.
2. Kara-Murza, Sergey. 2004. Manipulyatsiya Soznaniyem [Consciousness manipulation]. - Moscow.
3. Chudinov, Anatoliy. 2003. Rossiya v Metaforicheskom Zerkale: Kognitivnoe Issledovanie Politicheskoi Metafory [Russia in the metaphorical mirror: cognitive research of the political metaphor] (1991-2000). - Yekaterinburg.
4. Toffler, Alvin. 1990. Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence in the 21st Century. Plaza & Janes. <http://dx.doi.org/10.5465/ame.1991.4274755>

Information about authors:

1. Elena Agapova - Ph.D. in Philosophy, Southern Federal University; address: Russia, Rostov-on-don city; e-mail: e-agapova@yandex.ru
2. Sofia Agapova - Ph.D. in Philology, Southern Federal University; address: Russia, Rostov-on-don city; e-mail: e-s-agapova@mail.ru
3. Lyudmila Gushchina - Ph.D. in Philology, Southern Federal University; address: Russia, Rostov-on-don city; e-mail: e-milnekh@yandex.ru

PHILOSOPHICAL AND CRITICAL
ANALYSIS OF THE REVOLUTIONARY
AND UTOPIAN NATURE OF
CHRISTIANITY

T. Borisova, Candidate of Philosophy, Associate Professor
Dnepropetrovsk National Metallurgical Academy of Ukraine,
Ukraine

The question of exposure of key ontological elements of the "philosophical utopia" and the Christian culture of thinking are stated. After conducting their comparative analysis the status of the subject of cognition is determined. The attempts to draw a demarcation line in comprehension of the phenomena of "utopian world view" and the "Christian world view" are made. The attempts to consider the Christian picture of the world as the complex utopian project are criticized. The modern understanding of utopia stands closer to finding a model of perfection in it, or an alternative to the present position of a man and the whole world order. The Western European culture of thinking is characterized by the critical position in relation to the actual state of affairs. The tradition to equate utopia and the Christian ideal of life of a man and the world has been long ago reasonably criticized both in idealism and in materialism. This criticism has gone beyond the limits the philosophical reflection itself.

Keywords: world view, utopia, man, Christianity, God, reality, truth, picture of the world.

Conference participant

ФИЛОСОФСКОКРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ И УТОПИЧНОЙ
ПРИРОДЫ ХРИСТИАНСТВА

Борисова Т.В., канд. филос. наук, доцент
Днепропетровская национальная металлургическая
академия Украины, Украина

Поднимаются вопрос выявления ключевых онтологических составляющих «философской утопии» и христианской культуры мышления. В результате проведения сравнительного их анализа определяется статус субъекта познания. Осуществляются попытки проведения демаркационной линии в осмыслении феноменов «утопичное мировоззрение» и «христианское мировоззрение». Критикуются попытки рассматривать христианскую картину мира как широкоформатный утопический проект. Современное понимание утопии стоит ближе к видению в ней либо модели совершенства, либо альтернативы настоящему положение человека и состоянию всего мироустройства. Для западноевропейской культуры мышления характерна критическая позиция к действительному порядку вещей. Традиция отождествлять утопию и христианский идеал бытия человека и мира уже давно встретило разумную критику, как в идеализме, так и в материализме. Эта критика вышла за пределы и самой философской рефлексии.

Ключевые слова: мировоззрение, утопия, человек, христианство, Бог, реальность, истина, картина мира.

Участник конференции

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i9.1367>

Большинство современных философских публикаций представляют собой работы, задуманные с целью коснуться актуальных вопросов не только самой философской культуры мышления, но и оценочных аспектов духовно-практической деятельности человека и общества. Ввиду такой цели намечена и тема данной работы. В предметном поле анализа будут рассматриваться *две основные проблемы*. Первая – это сама постановка вопроса о антиутопичном содержании христианского мировоззрения; вторая – посвящена ложному представлению об идеологической и культурно-исторической роли Богочеловека (Иисуса Христа) как «революционера-утописта» в социально-политическом толковании этого понятия. Среди первоочередных *задач исследования* будут выдвинуты следующие:

- сравнительный анализ утопической и христианской картины мира;
- проведение демаркационной линии в осмыслении феноменов «утопичное мировоззрение» и «христианское мировоззрение»;
- выявление ключевых онтолого-сеологических составляющих «фило-

софской утопии» и христианской культуры мышления;

- анализ философско-методологической функции самой категории «утопия»;
- определение статуса субъекта познания в рамках христианского и утопичного мирозерцания.

Поскольку речь пойдет об основах мировоззрения, то очевидно, что в центре такого анализа, прежде всего, должно быть положено философское обоснование понимания «бытия» и соответствующее ему понимание «трансцендентного» и «имманентного». Прежде чем идти дальше в рассмотрении этих вопросов, следует окончательно определиться с сущностью и природой самого понятия «мировоззрение». Появившись впервые в философии И. Канта, это понятие далее коучет в немецкий романтизм Ф. Шеллинга и постепенно начинает обрастать идеологическими смыслами. Позднее его будут стараться дробить на смысловые оттенки: морально-мировоззренческие, поэтические, религиозные, эстетические, синергетические. Однако, главной особенностью философского понимания «ми-

ровоззрения» есть его персонифицированность. Трудно себе представить личность без мировоззрения. Именно в нем находят свое отражение знания, ценности, чувства, цели и смысловые конструкции мыслящего индивида. Религиозное же мировоззрение, к каким мы относим рассматриваемое нами христианское – устанавливает связь человека с миром безусловных начал, что выступают сосредоточением всего существующего. Религиозное мировоззрение позволяет проявлять единство, цельность и согласие в жизни и сознании человека. Вместе с тем, оно все дела и страдания человека превращает из бесцельных и бессмысленных явлений в разумные, внутренне необходимые события. Несомненно, что такое всеобъемлющее и образующее смысл начало должно принадлежать религиозному началу в христианском его понимании. Жаль, но вместо того, что бы быть «всем во всем» оно прячется человеком в удаленные углы внутреннего мира, выступая одним из множества различных интересов. Все это способствует установлению сомнений в важности христианского вероисповедания для

духовного развития личности и общества, а со временем порождает эпизодические упреки в утопичной природе самого христианства.

Проблема утопии – одна из основных в числе всех философских проблем человека, общества и мира. Историко-философская культурная традиция знакома со многими утопическими проектами, начиная от Платона с его «идеальным государством», Ф. Бэкона с его «Новой Атлантидой» и до сегодня. Утонченность в разнообразии и дерзость утопического мышления всегда выступали как «лакомый кусок» для философской рефлексии. Вообще об утопии можно говорить как с положительным акцентом, так и с отрицательным. Применительно же к нашей постановке проблемного вопроса: утопично ли христианство с предлагаемой ним картиной мира? Отметим, что такая формулировка уже сама по себе не корректна по отношению к христианской традиции миропонимания; тем более позитивное толкование утопичности христианской культуры мирозерцания нас не устраивает.

Следует отметить, что для всех трактовок, как положительного, так и отрицательного характера, а так же неизбежно основой и условием утопического поиска выступает осознанное недовольство действительностью. Критически настроенный ум воспринимает мир иначе, однако не стоит отождествлять такой критицизм с античным скептицизмом, утратившим надежду изменить и понять сущность человека и мира. Собственная задача философии и состоит в том, что бы заточить ум субъекта на критическое восприятие себя и мира. Иными словами нести культуру сомнения, которая не даст успокоиться ни на чем достигнутом, даже очень хорошем, потому как есть глубокая уверенность в возможность лучшего. Оправдано ли это ожидание? Вопрос риторичный.

Для западноевропейской культуры характерна критическая позиция к действительному порядку вещей. Признание трансцендентного бытия высшим и независимым началом во многом и обуславливало в философской культуре мышления эту критическую позицию. Современное понима-

ние утопии стоит ближе к видению в ней либо модели совершенства, либо альтернативы настоящему положению человека и состоянию всего мироустройства (идеологического, социального, политического, экономического). Как мы видим само понятие «утопия» качественно изменяется в свете нынешних дней. Если утопия – это последовательное описание воображаемого, локализованного во времени и пространстве общества, построенного на альтернативной культурно-исторической гипотезе, тогда как с этим соотноситься христианство? И соотносимы ли они в принципе?

Утописты в своей культурно-гносеологической установке исходят из изначального допущения «если бы...». В то время как в истории христианства и его картины мира этих допущений нет. Бытие Бога, Искупительная Жертва Христа и строительство богочеловечества – это онтологические события. Никакими философскими приемами уже не спасти идею утопичной природы христианского миропонимания.

Все лучшее в этом мире совершалось и совершается в духе антиутопии. Абсолютного и окончательного ответа на эти проблемные вопросы данная работа не предоставит, как не предоставит его никакая другая работа. Поскольку ответ лежит в иной плоскости мышления – опыта богопознания. Евангелие – это не литературно-художественный проект. И даже если отважится поддаться сомнению его историческую достоверность, то и тогда оно не выглядело бы утопией ни по форме ни по содержанию. Потому как Святое Письмо учит тому, как должно поступать, а не как могло бы быть «если бы...».

Новозаветная истина говорит не только о фактах евангельской истории, но и содержит в себе учение Христа, поскольку нравственная жизнь человека является жизнью сознательной и разумной. Довольно сложен вопрос о разграничении понятий «утопия» и «идеал». Считаем его важным аспектом в рамках более широкого вопроса о месте и роли христианских идеалов в современной культуре мышления. В одной из работ К. Мангейма «Идеология и утопия» автор приводит такие

слова: «Утопичным является то сознание, которое не находится в соответствии с окружающим его «бытием» [3; с. 113].

Таким образом, вырисовывается антиномия – философская утопия и идеал христианского миропорядка, которые так интересны для культуры и истории XXI века, должны разрешаться не столько в плоскости социально-экономического реформирования, сколько путем культурного возрождения традиционных христианских ценностей и духовного обновления в целом.

Философское утопическое сознание в переживании и деятельности ориентировано на факторы, реально не содержащиеся в этом бытии. В то время как христианское мышление не мыслит бытия человека и мира без Бога и вне Бога, что есть трансцендентная реальность, но она имеет и имманентную основу в сущностной природе человека. Потому традиция отождествлять утопию и христианский идеал бытия человека и мира уже давно встретило разумную критику, как в идеализме, так и в материализме. Более того эта критика вышла за пределы и самой философской рефлексии. Даже в онтогносеологическом и философско-методологическом срезе этой проблемы соединение этих понятий (утопии и христианского идеала) выглядит по существу для нас насильственным и не корректным. Не приходится искать и дополнительной причины обоснованию этой мысли, поскольку ответ очевиден.

С методологической точки зрения противопоставлением утопии и христианского идеала мыслящему уму следует пользоваться осмотрительно и осторожно. На предварительной стадии анализа оно может способствовать некоторой ясности и четкости их разграничения. Однако, если пытаться гипостазировать это противопоставление, то христианскую картину мира следовало бы воспринимать, как «духовный град», что возводится в душах человеческих. Для нашего анализа важно не только дать ответ на вопрос о критериях антиутопичности христианства, но и понимание необходимости отказаться в дальнейшем от использования слова «антиутопия»

применительно к христианскому мировоззрению.

Тайна христианских заповедей и ценностей находит свое решение в их достижимости для всех и каждого. В утопических построениях этого нет, там есть место лишь идеализации иного бытия. Можно предположить, что ложно понятый утопизм ценностей приводит к революции в сознании, а революция в мировоззрении – это всегда трагедия для личности и общества людей. Не секрет, что одна из фундаментальных функций философии заключается в том, что бы в интеллектуальном пространстве непрерывно поддерживать рефлексивные акты мышления. Мыслительный процесс, таким образом, словно выступает гарантом такого же непрерывного стремления человечества к совершенству. Очевидно, что философия справляется с этой культурно-социальной функцией, потому как каждый раз формирует новую интеллектуальную утопию. На основе последней, в свою очередь, базируется и новая интеллектуальная платформа для критического отношения к прошлым достижениям культуры. Не всегда за этим стоит пересмотр существующих ценностей. Хотя опасность их тотальной ревизии и отказ от них в дальнейшем может содержаться в философских утопиях.

При этом следует помнить, что трансформация ценностных основ человечества не должна вести к угрозе для культуры и морали. Не стоит забывать, что сами смыслы и ценности могут помещаться внутри культурного пространства как утопии, так и христианской картины мира, однако благодаря этому размещению они могут утратить или усилить свое истинное значение. Конечно, познавательные результаты всегда ограничены. Сколько бы человек ни знал, он знает не достаточно. Потребности же человека как существа мыслящего и его жадное стремление к счастью и истине – безграничны, выразителем и того и другого выступает само мировоззрение человека. Идеально сконструированные образы мира в утопическом проекте неизбежно возникают в рамках собственного философского стремления автора утопии к абсолютной истине, как он ее видит и понимает.

В этом и прячется угроза для культуры. Субъективный фактор претендует на объективную истину. В результате появляются такие «борцы-бунтари» за мир с самим миром как Ф. Ницше, К. Маркс, З. Фрейд, Е. Фромм и др. Возникает вопрос: сможет ли противостоять таким субъективным «креативным проектам» (культурным сценариям) наша культура? Сможет ли она осознать до конца всю остроту вызова в лице воинствующего нигилизма, гуманизма и антропоцентризма? Или погрязнет в самоанализе и пустословии? Стоит вспомнить слова современного мыслителя А. Гусейнова о том, что отказ от абсолютной морали чреват тем, что за абсолютную может выдаваться любая относительная ценность. Консервативно ориентированная в рамках христианской традиции мысль и сегодня ставит перед собой задачу возвращения человека в лоно культурных традиций. Потому так важна постановка вопроса об ответственности за авторские утопические проекты. Ответственность не снимается не только с тех, кто продуцирует утопии, но и с тех, кто их принимает как идеалы. Сблуженная идеями эвдемонизма западная культура утверждает, что человек создан для счастья. Всемирно известный украинский писатель М. Гоголь отрезвляюще отвергает этот постулат; глубоко осознавая, что отсутствие ответственности за ближнего и за свои дела по отношению к нему проистекают от недостатка любви к ближнему.

Гносеологически важным моментом в понимании утопии выступает способность самой утопии конструировать в сознании субъекта «чуждую» ему действительность, которая, преобразуясь частично или полностью, подрывает существующий в данный момент имманентный и трансцендентный порядок вещей. Можно ориентироваться на трансцендентные бытию факторы и, тем не менее, сохранять существующий порядок вещей. Утопичной будет считаться ориентация, если она направлена на уничтожение существующей «структуры» бытия. Даже в силу этого обстоятельства, Христос не может пониматься верующим разумом как революционер. Поскольку он явился людям не изменить

Закон, а исполнить его. Как отмечает К. Смирнов в своей работе «Имманентное христианство», исторически евангельская идея открылась миру словно молния, что блеснула от края и до края в определенном направлении с Востока на Запад, а не как бесчисленное множество светильников, что были расставлены по миру и дарят свет в различных направлениях.

Сама попытка философски определить значение понятия «утопия» могла бы служить примером того, сколь много дефиниций в области историко-философского и религиозно-философского мышления отражают состояние и перспективу человека, определяют глубину его мыслящей позиции, систему ценностей, что коренятся в сфере духовно-практического опыта жизни. Потому так важен вопрос об не тождественности христианских идеалов и философских утопических проектов. Уже одно то, что как каждое понятие определяется, и какой оттенок их значения проступает при их использовании – предвещает до известной степени конечный результат осуществляемого сопоставления (точнее противопоставления). По нашему глубокому убеждению аналитическое сопоставление возможно только как сопоставление-противопоставление.

Признаем, что не случаен факт сознательного или бессознательного использования субъектом познания широкого и слабо определяемого понятия «утопия». Этот момент лишь герменевтически намекает исследователю на возможность и необходимость принципиально важного разграничения «абсолютно неосуществимого» и «относительно неосуществимого». В христианской системе ценностей содержится призыв к богосыновьему сознанию человека, указывает на вечное в человеке, утверждает в нем некую абсолютность, доступную человеку через его обожение. Не желание это принимать, сославшись на тот, что само христианство – это широкоформатная культурно-историческая утопия – объясняется многими обстоятельствами и причинами. Одно из них – это не желание самого субъекта познания выходить за рамки существующего бытийного положения себя и других. На этой стадии христианская

система ценностей рассматривается человеком как недостижимая и неосуществимая вообще. В результате чего со временем вся христианская картина мира постулируется в светской культуре как чистейший утопический проект, с которым не всегда можно мириться.

Христианское мировоззрение – это, по большому счету, духовное творчество верующей личности. Утопический проект мало похож на духовное и подвижническое творчество. Поэтому, всякий раз, когда мы имеем дело с духовным творчеством, с духовной жизнью, а не с вымышленной системой иного бытия, мы имеем право на имманентное постижение по закону духовного родства.

Все выше изложенное наталкивает на следующие выводы.

1. Об утопии и о христианском идеале можно и должно говорить как о предмете философской рефлексии. Однако, эпистемологическое отдаление предмета исследования на расстояние истории будет полезным так же для выявления его исторической роли, но при этом будет неуместным при изучении эго внутренней природы. Многие годы изучения христианского мировоззрения в такой способ не дадут его глубокого понимания, потому, что нет внутренней опоры для него. Бытует мысль о том, что «зерно» понимания веры всегда дано в опыте собственной духовно-практической жизни. Саму утопию в такой способ познать не получится.

2. Следует избегать односторонней критики самого понятия «утопия», взятого без соотнесения с христианским мировоззрением. Зачастую упускается амбивалентный и метафоричный характер утопического вдохновения. Так уж устроена человеческая природа, что утопии в культуре создаются одновременно под действием различных порывов (отчаяния или надежды). Чем больше разочарований, тем больше причин надеяться. Утопический образ будущего словно предполагает наличие ужаса в настоящем. В этом случае была интересной постановка вопроса об эсхатологической перспективе любой философской утопии и христианской картины мира. Есть ли эта эсхатологическая перспек-

тива у каждой из них? Как убеждает нас история, мыслимое и желанное нами благо в будущем сопряжено в нашем сознании с кошмарами и трудностями на пути к нему. Если смотреть на любую философскую утопию как на естественное отчаянное бегство от невыносимого настоящего, то даже в этом случае сам утопия не может стать на одну ступень с христианской картиной мира. Потому как в христианской культуре не прописано «бегство» от жизни и капитуляция перед ее сложностями. Все изломы, трагедии, несчастья личной судьбы и жизни общества преодолеваются духовным подвигом человеческого духа. Именно человеческий дух заключает в себе смирение, кротость, борьбу со злом в себе, крепкое стояние в вере и жертвенную любовь к ближнему.

3. Было бы ошибкой считать, что утопия практически не содержит в себе анализа существующего порядка, который она изобличает и осуждает. С философской точки зрения утопию можно свести к методу или способу. В результате чего окажется, что она инструментальна по своей сути и потому лишена онтологической самооценности. На самом деле понятие «утопия» вполне положительна для нашего анализа. Пользоваться ею – не значит удовлетворяться «полуправдой», а значит позвать правду с ее помощью.

4. Утопист искренне стремится разбудить в человеке его способность критически мыслить об актуальном состоянии человека и мира, но в этом случае сам утопист не больше чем идеолог нового порядка. Именно идеолог, а не Богочеловек, как Христос. Утопия, в отличие от богооткровенного характера христианства, не способна предложить человеку окончательной победы жизни над смертью.

5. Следует отметить поверхностный антропоцентризм философских утопий в истории культуры. В то время как в христианской картине мира о человеке говорить с большей онтологической полнотой, что углубляет и ее антропоцентризм. Именно христианская культура мышления не просто задавала условия нашего бытия, а фактически им и стала.

6. В христианской картине мира постулируется не только вера и лю-

бовь человека к Богу, но и любовь, вера Бога в человека. В утопических конструкциях этот вопрос имеет иную постановку и не претендует на основной принцип.

References:

1. Vejdle V. Umiranje iskusstva. Razmyshlenija o sud'be literaturnogo i hudozhestvennogo tvorchestva [The dying of art. Reflections about the destiny of literary and art creativity]., Samosoznanie evropejskoj kul'tury XX veka: Mysliteli i pisateli Zapada o meste kul'tury v sovremennom obshchestve [Consciousness of the European culture in the XX century: thinkers and writers of the West about the place of culture in the modern society]. – Moskva., Politizdat., 1991., p. 366.

2. Gusejnov A. Filosofija kak jeticheskij proekt [Philosophy as the ethical project]., Voprosy filosofii [Issues of philosophy]. – Moskva., 2014., No. 5., pp. 16–26.

3. Mangejm K. Ideologija i utopija [Ideology and utopia]., Utopija i utopicheskoe myshlenie: antologija zarubezhnoj literatury [Utopia and utopian thinking: anthology of foreign literature]. - Moskva., Progress., 1991., pp. 113 -169.

4. Smirnov K. Immanentnaja filosofija hristianstva [Immanent philosophy of Christianity]., Russkaja mysl' [Russian thought]. - Moskva., 1914, Book VI., pp. 62-84.

5. Holopov I. Religioznyj individualizm i dogmaty [Religious individualism and doctrines]., I. Holopov., Voprosy filosofii i psihologii [Issues of philosophy and psychology]. - Moskva., 1912., Year XXIII, book 113 (III)., pp. 373-417.

6. Shohin V. Teologija. Vvedenie v bogoslovskie discipliny [Introduction to theological disciplines]. Uchebno-metodicheskoe posobie [Educational and methodological manual]. – Moskva., INFRAN., 2002. – 122 p.

Литература:

1. Вейдле В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества., Самосознание европейской

культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – Москва., Политиздат., 1991., с. 366.

2. Гусейнов А. Философия как этический проект, Вопросы философии. – Москва., 2014., № 5., С. 16–26.

3. Мангейм К. Идеология и утопия., Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной лите-

ратуры. - Москва., Прогресс., 1991., С. 113 -169.

4. Смирнов К. Имманентная философия христианства., Русская мысль. - Москва., 1914, кн. VI., С. 62-84.

5. Холопов И. Религиозный индивидуализм и догматы., И. Холопов., Вопросы философии и психологии. - Москва., 1912., Год XXIII, кн. 113 (III), С. 373-417.

6. Шохин В. Теология. Введение

в богословские дисциплины. Учебно-методическое пособие. – Москва., ИНФРАН., 2002. – 122 с.

Information about author:

1. Tatyana Borisova - Candidate of Philosophy Associate Professor, Dnepropetrovsk National Metallurgical Academy of Ukraine; address: Ukraine, Dnepropetrovsk city; e-mail: tborisova78@mail.ru

INTERNATIONAL ACADEMY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION

International Academy of Science and Higher Education (IASHE, London, UK) is a scientific and educational organization that combines sectoral public activities with the implementation of commercial programs designed to promote the development of science and education as well as to create and implement innovations in various spheres of public life.

Activity of the Academy is concentrated on promoting of the scientific creativity and increasing the significance of the global science through consolidation of the international scientific society, implementation of massive innovational scientific-educational projects

While carrying out its core activities the Academy also implements effective programs in other areas of social life, directly related to the dynamics of development of civilized international scientific and educational processes in Europe and in global community.

Issues of the IASHE are distributed across Europe and America, widely presented in catalogues of biggest scientific and public libraries of the United Kingdom.

Scientific digests of the GISAP project are available for acquaintance and purchase via such world famous book-trading resources as amazon.com and bookdepository.co.uk.

www: <http://iashe.eu>

e-mail: office@iashe.eu

phone: +44 (20) 71939499

UNDERSTANDING THE MODERN UKRAINIAN NATIONAL IDEA BY UKRAINIAN CITIZENS: AXIOLOGICAL ASPECTS

T. Voropayeva, Candidate of Psychology, Associate Professor,
Senior Scientific Worker
Taras Shevchenko National University of Kiev, Ukraine

The author is analysing the understanding of the modern Ukrainian national idea by Ukrainian citizens, as well as their basic values. The author has determined the value-based priorities making a short "formula" of the modern national idea – dignity, development, freedom.

Keywords: national idea, ideology, basic values, value-based priorities, citizens of Ukraine.

Conference participant,
National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГРАЖДАН УКРАИНЫ О СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Воропаева Т.С., канд. психол. наук, доцент, ст. науч. сотр.
Киевский национальный университет им. Т. Шевченко,
Украина

В статье анализируются представления граждан Украины о современной украинской национальной идее, а также их базовые ценности. Выявлены ценностные приоритеты, представляющие краткую «формулу» современной национальной идеи – достоинство, развитие, свобода.

Ключевые слова: национальная идея, идеология, базовые ценности, ценностные приоритеты, граждане Украины.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.hp.v0i9.1368>

Проблема своеобразия духовного облика народов, наций и цивилизаций остро стояла на протяжении всей истории философии и имела самые разнообразные способы решения. Исследователи пытались не только изучить историю идей и идеологий, не только вычленив наиболее типичные ценностные приоритеты того или иного народа, но и предложить новые методологические подходы к этой проблеме. Идеологическая проблематика, как правило, актуализируется во время кризисных, переходных периодов развития общества, когда возникает необходимость нового самоопределения, а также выбора новых политико-правовых, социально-экономических и социокультурных моделей. В современной социальной философии анализ аксиологических аспектов идеологических систем разных народов и стран мира остается актуальным.

Идеология (как система концептуально оформленных идей, представлений, взглядов и убеждений, которые выражают интересы определенных социальных групп) способна «объединять людей ради общей жизни и общих действий» [11, с. 235]. Исторический опыт показывает, что в мире не было ни одного общества, которое бы функционировало без специально выработанных идеологий-мировоззрений. Известно, что понятие «идеология» в научный оборот ввел фран-

цузский философ Дестют де Трасси в конце XVIII в. По его мнению, «наука об идеях» должна была базироваться на просветительской парадигме мышления и создать фундамент для реформирования общества на научных основах. В современном мире существуют различные идеологии: религиозные, политические, национальные и т.п. Идеологической проблематике посвятили свои работы Р. Бекон, К. Маркс, Ф. Энгельс, К.-О. Апель, Р. Барт, Д. Белл, К. Манхейм, Ю. Хабермас, Х. С. Хьюз, А. Шюц и др. В идеологии всегда присутствует «человеческое время» (Ф. Бродель), хотя идеология – это, в первую очередь, воплощенные ключевых жизненных ценностей (М. Блок). Фундаментальной основой идеологий являются философские доктрины, которые постоянно чередуются в процессе исторического развития человечества. Самыми важными являются те философские доктрины, которые формируют идейную основу идеологии, артикулируя ее базовые ценности и смыслы [13, р. 55]. Г. Лебон, Х. Ортега-и-Гассет и З. Фрейд подчеркивали, что идеологии являются определенными «локомотивами истории», что народные массы может объединить как вождь, так и идеи, которые побуждают людей к действиям, что идея иногда может даже заменить вождя.

Ю. Хабермас, проанализировав процесс становления западных

демократий, предложил новым независимым государствам принцип «конституционного» патриотизма, интеграцию вокруг экономических интересов, культурных, спортивных и интеллектуальных достижений страны. В статье 15 действующей Конституции Украины провозглашается, что общественная жизнь в Украине основывается на принципах политического, экономического и идеологического многообразия. Вместе с тем, существенным препятствием на пути развития современного украинского общества является отсутствие внятной объединяющей идеологии, а также национальной идеи, без которых невозможно дальнейшее цивилизационное развитие государства. Сегодня Украине необходима правильно артикулированная идеология, которая манифестировала бы объединение всех слоев и групп населения в единую политическую нацию, без ущемления культурных, этнических, гендерных и других различий. Украина нуждается в конструировании такой национальной идеи, которая бы смогла консолидировать как титульный этнос и коренные народы, так и национальные и этнические меньшинства.

Известно, что идея – это одно из основных понятий философии, которое разрабатывали Платон и Аристотель, Р. Декарт и Дж. Локк. Этот философский термин (тесно связанный с категориями «мышление» и «бытие»)

означает «сущность вещи, ее прототип», «образ вещи, создаваемый духом», «смысл», «представление, которое еще не существует в опыте», «прообраз», имеющий формообразующее значение и являющийся источником силы; «воображаемую движущую силу истории» [11, с. 234-237]. Идея является отражением вещей и явлений, которые находятся в процессе развития; это не только одна из форм и способов познания, смысл которых заключается в формулировке обобщенных теоретических принципов, объясняющих сущность явлений, но и творческая сила, которая формирует и трансформирует действительность. Философы подчеркивали большое влияние идей (которые «овладели массами») на развитие материальной действительности с целью ее преобразования. Любые идеи (правовые, политические, религиозные, философские, экономические, моральные, художественные) рождаются в контексте исторического духа определенной эпохи, они возникают и развиваются на основе человеческих стремлений, потребностей и практической деятельности. Итак, идея – это то «начало» и аристотелевское «то, для чего», без которого невозможно появление ни одной вещи в мире, тем более, развертывание таких сложных структур, которыми являются национальная культура, национальное общество и национальное государство [11, с. 234-237].

Институт государства, по мнению Г. Гегеля, реализует идеи разума, свободы и права [6, с. 284]. К. Леви-Стросс доказал, что идеи равенства, свободы, порядка, справедливости и мессианства находят в разных идеологиях конкретное историческое и политическое звучание. Э. Фромм подчеркивал: «Ничто так не объединяет людей (не ограничивая при этом их индивидуальности), как ... общность идей» [12, с. 33-36]. Э. Дюркгейм отмечал, что любое общество базируется «... прежде всего, на идее, которую оно само для себя и о себе создает» [8, с. 12]. Таким образом, национальная идея – это основа функционирования нации, quintessence ее духовных интересов и социально-политических устремлений, определенный

проект «совместного будущего», это прототип, образ вещи, создаваемый духом, «смысл», «представление, которое еще не существует в опыте», «прообраз», имеющий формообразующее значение и являющийся источником силы; «воображаемую движущую силу истории» [11, с. 234-237]. Идея является отражением вещей и явлений, которые находятся в процессе развития; это не только одна из форм и способов познания, смысл которых заключается в формулировке обобщенных теоретических принципов, объясняющих сущность явлений, но и творческая сила, которая формирует и трансформирует действительность. Философы подчеркивали большое влияние идей (которые «овладели массами») на развитие материальной действительности с целью ее преобразования. Любые идеи (правовые, политические, религиозные, философские, экономические, моральные, художественные) рождаются в контексте исторического духа определенной эпохи, они возникают и развиваются на основе человеческих стремлений, потребностей и практической деятельности. Итак, идея – это то «начало» и аристотелевское «то, для чего», без которого невозможно появление ни одной вещи в мире, тем более, развертывание таких сложных структур, которыми являются национальная культура, национальное общество и национальное государство [11, с. 234-237].

В 1993 г. наша научно-исследовательская группа, в составе которой работали ученые, аспиранты и студенты Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, начала изучение представлений граждан Украины о современной украинской национальной идее в рамках научно-исследовательского проекта «Украинская национальная идея: теоретико-эмпирические аспекты» (1993 – 2015 гг.). Анализ представлений граждан Украины о современной украинской национальной идее, выявленных во Всеукраинских репрезентативных опросах (всего было опрошено 47300 респондентов от 18 до 89 лет), показал, что искусственно созданные и навязанные извне идеи не могут стать эффективным инструментом реального сплочения общества и мобилизации гражданской активности его членов. Ведь национальные идеи не рождаются в кабинетах, а создаются народом, который

постепенно становится нацией, поэтому для определения современной национальной идеи нужно знать общественные настроения и ожидания, взгляды разных слоев населения и их мнения об актуальных общественных проблемах. Кроме этого нужно, чтобы граждане Украины не просто соглашались с высказанными элитой идеями, а чтобы эти идеи «стучали в сердца людей», «резонировали» в обществе, чтобы граждане были готовы к реальной деятельности для их реализации. В нашем исследовании были учтены общенаучные требования к современной национальной идее: а) она должна быть общественно-интегрирующей, мобилизующей и преобразующей, б) она должна быть достаточно масштабной и многоуровневой, в) она должна мотивировать совместную деятельность больших социальных групп, а также базироваться на внутренней потребности людей в общенациональных ценностных приоритетах, которые бы стимулировали соответствующую мотивационную активность. Первые промежуточные результаты были опубликованы нами в июне – июле 2001 г. в газетах «Голос Украины» и «Украина молодая» [7], а основные – в 2005 – 2014 гг. [2; 3; 4; 5].

Итак, проведенное в 1993 – 2015 гг. исследование позволило выявить перечень тех идей, которые могли бы объединить украинское общество и стать базой для современной украинской национальной идеи: 1) Идея утверждения человеческого, гражданского, национального достоинства и достойной жизни украинских граждан – 0,673 (средний индекс поддержки); 2) Идея утверждения Украины как сильного и развитого европейского государства, уважаемое мировым сообществом – 0,656; 3) Идея стабильного демократического развития (украинского общества и государства, экономики и технологий, права и культуры, морали и духовности, науки и образования) – 0,633; 4) Идея создания правового государства, утверждения законности, прав и свобод всех граждан Украины – 0,627; 5) Идея возвращения Украины в состав европейской цивилизации (паритетное сотрудничество и интеграция с европейскими странами, вхождение в общеевропейские

структуры) – 0, 611; 6) Идея возрождения и процветания государства, нации и общества – 0,571; 7) Идея социокультурного, экономического и технологического прорыва Украины к вершинам современной цивилизации (сочетание опыта мировой цивилизации, передовых технологий и собственных традиций, источников и ресурсов) – 0,556; 8) Идея утверждения независимости Украины в политической, правовой, экономической, социальной и духовной сферах – 0,549; 9) Идея опоры на собственные силы – 0,542; 10) Идея конкурентоспособности украинского государства и нации (превратить Украину в технологически развитую страну, воспитать новое поколение, способное добиваться успехов в современном мире) – 0,537.

Проведенное исследование показало, что: а) наиболее значимыми как для всего общества, так и для каждой конкретной личности стали концепты «достоинства», «свободы», «развития», «справедливости», «прав человека», «патриотизма», «европейского выбора», «утверждения Украины как европейского государства, а украинцев как европейской политической нации», «возрождения», «процветания», «возвращения Украины в Европу», «верховенства права», «гражданской солидарности», «опоры на собственные силы», «гражданственности и трудолюбия» и др.; б) большинство респондентов поддерживают лозунг, который можно было бы написать на гербе Украины – «От Возрождения к процветанию: государственность, законность, труд, права человека» и краткую «формулу» национальной идеи – «Достоинство, развитие, свобода» (индекс поддержки 0,873), которая является не просто декларацией, а аккумулирует в себе как украинские идеологические и духовно-культурные приоритеты, так и общечеловеческие ценности (здесь стоит отметить, что О. Пахлёвская, которая в апреле 2001 г. (еще не зная о результатах нашего исследования) писала, что одним из лучших мотто для Объединенной Европы был лозунг «Объединенные свободой», призвав работать для того, чтобы в украинском мотто также «присутствовало слово Libertas, Свобода» [10, с. 148]); в) против обеспе-

чения достойной жизни украинским гражданам и европеизации Украины не выступил ни один из опрошенных 25-ти экспертов, а 17 из них заявили, что они, к сожалению, не видят среди представителей нынешней власти тех, кто действительно сможет европеизировать Украину, внедрить европейские стандарты жизни и обеспечить ее гражданам достоинство, развитие, свободу и процветание.

Использованные в исследовании методы позволили не только обобщить все доминирующие в опросах варианты, но и учесть искренние устремления многих граждан к утверждению Украины на международных спортивных аренах, музыкальных конкурсах и других международных мероприятиях (эти чувства всегда объединяют украинцев) и сформулировать рабочий вариант современной украинской национальной идеи: утвердиться как самобытная и процветающая европейская нация, которая реализует свою миссию и творческое предназначение, защищает свои достижения с помощью сильного правового государства и основывает свою солидарность на принципах: достоинство, развитие, свобода.

И респонденты, и аналитики считают идею утверждения Украины и формулу «Достоинство, развитие, свобода» не просто системой духовных ориентиров, цивилизационных основ и экзистенциальных принципов формирующейся украинской политической нации, но и своеобразным украинским «Liberte, egalite, fraternite» (где концепты «достоинство», «развитие», «свобода» являются общенациональными ценностями приоритетами, которые предусматривают разные уровни своей реализации – индивидуальный, общественный, государственный, например: достоинство человека, достоинство общества, достоинство Украины, а также различные измерения – развитие демократическое, экономическое, духовное, интеллектуальное и т.п.).

Для изучения аксиологических аспектов процесса формирования представлений граждан Украины о современной украинской национальной идее мы использовали тео-

ретический и эмпирический подход Ш. Шварца [14, с. 3-65; 15, с. 878-891], который в 1980-х – 1990-х годах провел кросс-культурные исследования базовых ценностей в 46 странах мира (в Болгарии, Чехии, Польше, Эстонии, Венгрии, Словакии, Словении, России, Грузии и др.). Использование методики Ш. Шварца позволило нам выделить базовые ценности граждан Украины: Доброжелательность (4,60); Универсализм (4,59); Самовыражение (4,57); Традиционность (4,55); Безопасность (4,58); Мастерство (4,42); Равноправие (4,34); Автономия (4,26); Гармония (4,24); Конформность (4,32) [2]. В. Магун и М. Руднев вместе со своими коллегами также изучали базовые ценности граждан Украины и сравнивали их с ценностными приоритетами граждан 23 европейских стран [9]. Их исследование не только подтвердило полученные нами результаты, касающиеся базовых ценностей украинцев, но и показало, что граждане Украины характеризуются самой высокой ориентацией на самоутверждение [9], то есть популярность идеи утверждения Украины была дополнительно подтверждена работой наших коллег.

Таким образом, выявленные нами общенациональные ценностные приоритеты (достоинство, развитие, свобода) дают возможность консолидировать украинское общество, не отрицая принципа идеологического плюрализма. Эти ценностные приоритеты могут стать аксиологической основой для создания идеологии интегральной демократии, которая способна объединить идеи национально-демократического, социал-демократического, христианско-демократического и либерально-демократического направлений.

References:

1. Buber M. Narod i ego zemlja [People and their land]., Buber M., Izbrannye proizvedenija [Selected works]. – Bez M.I., 1979. – 420 p., pp. 257-345.
2. Voropaeva T.S. Transformacija cennostnyh orientacij grazhdan Ukrainy (1991 – 2014 gg.) [Transformation of value-related orientations of Ukrainian

citizens (1991-2014)], T.S. Voropaeva., Social'no-gumanitarnye nauki: problemy i puti reshenija v uslovijah sovremenogo obshhestva [Social humanities: problems and solutions in conditions of the modern society]. Kollektivnaja monografija [Collective monograph]. – Book 3. – Stavropol', Logos, 2014. – 166 p., pp. 52-69.

3. Voropaeva T. Bazovi cinnosti gromadjan Ukraïni v umovah global'nih viklikiv [Basic values of citizens of Ukraine in conditions of global challenges]. T. Voropaeva., Ljudina i socium v umovah global'noi krizi: pogljad kriz' prizmu suspil'stvoznavstva [Human and the society in conditions of the global crisis: a glance through the prism of social science]. – Kyiv., Nacional'na Akademija upravlinnja [National Academy of Management], 2010. – 400 p., pp. 171-173.

4. Voropaeva T. Etnopsihologichni doslidzhenja Centru ukraïnoznavstva KNU imeni Tarasa Shevchenka [Ethnopsychological research of the Center of Ukrainian Studies of Kyiv National Taras Shevchenko University]., T. Voropaeva., Ukraïns'kij socium: Materiali «Kruglogo stolu» vid 28 grudnja 2005 r. [Ukrainian society: Materials of the «round table», December 28, 2005], Under editorship of Krisachenka V.S. – Kyiv., Znannja Ukraïni [Knowledge of Ukraine], 2005., pp. 77-81.

5. Voropaeva T., Piskun V. Suchasna ukraïns'ka nacional'na ideja: teoretiko-empirichne doslidzhenja [Modern Ukrainian national idea: theoretical and empirical research]., T. Voropaeva, V. Piskun., Ukraïnoznavstvo. Kalendar-shhorichnik [Ukrainian Calendar-Yearbook]. – 2004. – Kyiv., Ukraïns'ka vidavnicna spilka [Ukrainian Publishing Association], 2004., pp. 127-134.

6. Gegel' G. Filosofija prava [Philosophy of Law]: Translated from German, under editorship of D.A. Kerimov and V.S. Nersesjanc. – Moskva., Mysl' [Thought], 1990. – 534 p.

7. Gidnist' – rozvitok – svoboda [Dignity - development - freedom]. Nacional'na ideja dlja Ukraïni [The national idea for Ukraine]., Ukraïna moloda [Young Ukraine]. – 2001. – 12 July.

8. Djurkgejm Je. Jelementarne formy religioznoj zhizni [Elementary

forms of religious life]., Je. Djurkgejm., Mistika. Religija. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedenija: Antologija [Mysticism. Religion. Science. Classicists of the world religious studies: anthology]., Sost. i obshh. red.: A.N. Krasnikov. – Moskva., Nauka [Science], 1998., pp. 174-231.

9. Magun V., Rudnev M. Zhiznennye cennosti naselenija: sravnenie Ukraïny s drugimi evropejskimi stranami [Life values of the population: comparing Ukraine with other European countries]., V. Magun, M. Rudnev., Ukraïnskoe obshhestvo v evropejskom prostranstve [Ukrainian society in the European space]. – Kiev., IS NANU, 2007. Online source., Access mode: <http://cross-cultural.jimdo.com/%D0%BC%D0%BE%D0%B8-%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8B/>

10. Pahl'ovs'ka O. Ukraïna i Evropa u 2001-mu: desjatilittja vtrachenih mozhlivostej [Ukraine and Europe in 2001: the decade of lost opportunities]., O. Pahl'ovs'ka., Nacional'na ideja – vidpovid' na viklik chasu [National idea - answering the challenge of time]. – Kyiv., AUB, 2001. – 240 p., pp. 140-150.

11. Filososf'kij enciklopedichnij slovník [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. – Kyiv., Abris, 2002. – 742 p.

12. Fromm Je. Begstvo ot svobody [Escape from Freedom]. – Moskva., Progress, 1995. – 256 p.

13. Feuer Lewis S., Horowitz Irving. Ideology and the Ideologists. – Transaction Publishers. – 2010. – July, 19. – 236 p.

14. Schwartz S. H. Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In M. P. Zanna Advances in Experimental Social Psychology. – Orlando, FL: Academic. – 1992. – Vol. 25., pp. 3-65. [http://dx.doi.org/10.1016/s0065-2601\(08\)60281-6](http://dx.doi.org/10.1016/s0065-2601(08)60281-6)

15. Schwartz S. H., Bilsky W. Toward a Theory of the Universal Content and Structure of Values: Extensions and Cross-Cultural Replications. Journal of Personality and Social Psychology. – 1990. – Vol. 58., pp. 878-891. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.58.5.878>

Литература:

1. Бубер М. Народ и его земля., Бубер М., Избранные произведения. – Без М.И., 1979. – 420 с., С. 257-345.

2. Воропаева Т.С. Трансформация ценностных ориентаций граждан Украины (1991 – 2014 гг.), Т.С. Воропаева., Социально-гуманитарные науки: проблемы и пути решения в условиях современного общества. Коллективная монография. – Кн. 3. – Ставрополь., Логос, 2014. – 166 с., С. 52-69.

3. Воропаева Т. Базові цінності громадян України в умовах глобальних викликів / Т. Воропаева., Людина і соціум в умовах глобальної кризи: погляд крізь призму суспільствознавства. – Київ., Національна Академія управління, 2010. – 400 с., С. 171-173.

4. Воропаева Т. Етнопсихологічні дослідження Центру українознавства КНУ імені Тараса Шевченка., Т. Воропаева., Український соціум: Матеріали «Круглого столу» від 28 грудня 2005 р., За заг. ред. Крисаченка В.С. – Київ., Знання України, 2005., С. 77-81.

5. Воропаева Т., Піскун В. Сучасна українська національна ідея: теоретико-емпіричне дослідження., Т. Воропаева, В. Піскун., Українознавство. Календар-щорічник – 2004. – Київ., Українська видавничка спілка, 2004., С. 127-134.

6. Гегель Г. Философия права: Пер. с нем., ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц. – Москва., Мысль, 1990. – 534 с.

7. Гідність – розвиток – свобода. Національна ідея для України., Україна молода. – 2001. – 12 липня.

8. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни., Э. Дюркгейм., Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения: Антология., Сост. и общ. ред.: А.Н. Красников. – Москва., Наука, 1998., С. 174-231.

9. Магун В., Руднев М. Жизненные ценности населения: сравнение Украины с другими европейскими странами., В. Магун, М. Руднев., Украинское общество в европейском пространстве. – Киев., ИС НАНУ, 2007. Электронный ресурс., Режим доступа: <http://cross-cultural.jimdo>

com/%D0%BC%D0%BE%D0%B8-%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8B/

10. Пахльовська О. Україна і Європа у 2001-му: десятиліття втрачених можливостей., О. Пахльовська., Національна ідея – відповідь на виклик часу. – Київ., АУБ, 2001. – 240 с., С. 140-150.

11. Філософський енциклопедичний словник. – Київ., Абрис, 2002. – 742 с.

12. Фромм Э. Бегство от свободы. – Москва., Прогресс, 1995. – 256 с.

13. Feuer Lewis S., Horowitz Irving. Ideology and the Ideologists. – Transaction Publishers. – 2010. – July, 19. – 236 p.

14. Schwartz S. H. Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. / In M.P. Zanna // Advances in Experimental Social Psychology. – Orlando, FL: Academic. – 1992. – Vol. 25. – P. 3-65. [http://dx.doi.org/10.1016/s0065-2601\(08\)60281-6](http://dx.doi.org/10.1016/s0065-2601(08)60281-6)

15. Schwartz S. H., Bilsky W. Toward a Theory of the Universal

Content and Structure of Values: Extensions and Cross-Cultural Replications // Journal of Personality and Social Psychology. – 1990. – Vol. 58. – P. 878-891. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.58.5.878>

Information about author:

1. Tatyana Voropayeva - Candidate of Psychology, Associate Professor, Senior Scientific Worker, Taras Shevchenko National University of Kiev; address: Ukraine, Kyiv city; e-mail: voropayevatania@rambler.ru

WORLD RESEARCH ANALYTICS FEDERATION

Research Analytics Federations of various countries and continents, as well as the World Research Analytics Federation are public associations created for geographic and status consolidation of the GISAP participants, representation and protection of their collective interests, organization of communications between National Research Analytics Federations and between members of the GISAP.

Federations are formed at the initiative or with the assistance of official partners of the IASHE - Federations Administrators.

Federations do not have the status of legal entities, do not require state registration and acquire official status when the IASHE registers a corresponding application of an Administrator and not less than 10 members (founders) of a federation and its Statute or Regulations adopted by the founders.

IF you wish to know more, please visit:

<http://gisap.eu>

ON THE ISSUE OF CHARACTERISTICS OF POSTMODERNISM IN CULTURE

I. Volkova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor
Odessa State Agrarian University, Ukraine

The author considers the issues of formation of postmodernism as a cultural phenomenon, as well as its influence on the personal self-fulfilment in conditions of transformation of culture.

Keywords: society, culture, ideology, transformation, informatisation, self-consciousness, values, world outlook, postmodernism, irrationalism.

Conference participant

К ВОПРОСУ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОСТМОДЕРНИЗМА В КУЛЬТУРЕ

Волкова И.А., канд. полит. наук, доцент
Одесский государственный аграрный университет,
Украина

В статье рассмотрены вопросы формирования постмодернизма как культурного явления, его влияние на самореализацию человека в условиях трансформации культуры.

Ключевые слова: общество, культура, идеология, трансформация, информатизация, самосознание, ценности, мировоззрение, постмодернизм, иррационализм.

Участник конференции

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i9.1369>

Современный этап общественного развития связан с поиском форм культурной самореализации человека в новых социально - исторических условиях. Процесс глобализации, ускорение темпов развития общества, информатизация, переживание человеком новых жизненных ситуаций вызывает «футурошок». Формирование цивилизации «третьей волны» приводит к фундаментальным изменениям во всех сферах жизни общества и прежде всего в системе ценностей, общественном сознании. Культурное самосознание современности выражает перелом в основных традициях западноевропейского мышления, формирует новые тенденции искусства. Этот процесс подготовлен идеями А. Шопенгауэра, О. Шпенглера, К.Г. Юнга, Й. Хейзинги, М. Хайдеггера, Х. Ортега-и-Гасета, В. Вейдле. Центральным в культурфилософии становится не оптимистически - просветительский рационализм, а кризисное сознание, иррациональное существование, разрушение культурно-духовных начал. Р.А. Гальцева отмечает формирование нового мифа, представляющего собой современную подавляющую и расшатывающую сознание комбинацию культа архаики с новомодным конструированием искусственных схем мысли, что способствует деморализации современного сознания.

Постмодернизм как мировоззрение отрицает этические, эстетические, методологические нормы и традиции. Он ориентирован на формирование жизненного пространства, в котором главными ценностями становятся свобода, игровое начало, спонтанность человеческой деятельности, а попытка

изменить существующий мир рассматривается как иллюзия. Характерными чертами постмодернизма в искусстве являются: культ свободы; отказ от личного «Я»; стремление ко всему архаическому; миф, коллективное бессознательное; стремление объединить противоположные, несовместимые истины; восприятие жизни как театра абсурда; использование подчеркнута игрового и карнавного стилей, их переплетение; ироничность и пародийность; фрагментарность, монтаж; отсутствие иерархии ценностей; стремление к коммерческому успеху. В культуре постмодернизма эти черты всегда объединены противоречивым образом – открытость, толерантность, плюрализм идей, отрицание тоталитарной власти над личностью – переплетается с потерей ценностных критериев, поверхностностью, эстетической вторичностью и даже цинизмом, что усложняет процесс восприятия постмодернистских произведений.

Для понимания специфики постмодернизма целесообразно сравнить его основные мировоззренческие и художественные постулаты с принципами классицизма и модернизма. Если основой классики в искусстве является образность и иерархичность ценностей, то постмодернизм основывается на конструировании предмета или явления на отказе от иерархии ценностей. Модернизм отстаивает стохастическую модель мира и пытается с помощью разнообразных приемов и способов выразить его основы. Реакцией постмодернизма на концепцию мира как хаоса становится овладение этим хаосом с целью его художественного преобразования в среду существова-

ния человека. Идеалом модернизма была свобода самовыражения, а постмодернизм, уверенный в хаотичности окружающего информационного пространства, отдает предпочтение манипуляции уже известными культурными кодами. Именно поэтому в постмодернизме авангардистской установке модернизма на новизну культурных явлений противостоит желание использовать опыт предшествующей культуры путем ее иронического цитирования. Так пространством преобразования украинского постмодернизма становится возрождение смысла национальных традиций, барокко, классицизм, романтизм, авангардизм. Примером может быть деятельность литературных групп «Новая дегенерация», «Лу-Го-Сад», которые иронически трансформируют многовековые традиционные ценности украинцев и в тоже время возрождает энергию народного карнавала. Вместо величественного и героического постмодернисты отдают предпочтение гротеску, пародии, не придерживаются никаких правил в процессе творчества. В постмодернизме главным является не само произведение, не процесс его создания, а влияние произведения на зрителя или читателя, который в тоже время должен иметь определенный уровень интеллектуальной подготовки для понимания множественности смыслов произведения.

Таким образом, общественное сознание XXI века характеризуется сложностью и многоплановостью. В культуре сосуществуют на равноправных началах все формы сознания: архаика, мифология, религия, наука. Ситуация мировоззренческого плюра-

лизма порождена новейшим кризисом ценностей, а становление новой культурной парадигмы является попыткой поиска выхода из этого кризиса. Постмодернизм связывает будущее с признанием альтернативности, изменчивости развития как вселенной так и самого человека, открытости человечества для культурных трансформаций.

References:

1. Gal'ceva R.A. Zapadnoevropejskaja kul'turfilosofija mezhdu mifom i igroy [Western European cultural philosophy between myth and play]., Samo-znananie evropejskoj kul'tury XX veka [Self-consciousness of the European culture in the XX century]. – Moskva., Politizdat, 1991., pp. 8-22.
2. Istorija ukrains'koj kul'turi [History of Ukrainian culture]. Under editorship of Sidorenko O.P. – Kyiv., Osvita Ukraini [Education of Ukraine], 2014. – 575 p.
3. Kozlovski P. Kul'tura postmoderna [Postmodern culture]. – Moskva.,

Respublika [Republic], 1997. – 240 p.

4. Mart'janov V.S. Postmodern – revansh «prokljatoj storony moderna» [Postmodern - revenge of the “cursed side of modern”]., Polis. – 2005. No 2., pp.147-157.
5. Sovremennaja zapadnaja filosofija [Modern western philosophy]. - Moskva., Politizdat, 1991. – 414 p.
6. Toffler Je. Shok budushhego [Shock of the future]. – Moskva., AST, 2002. – 557 p.
7. Toffler Je. Tret'ja volna [Third Wave]. – Moskva., AST, 1999. - 781 p.
8. Shejko V.M. Kul'tura. Civilizacija. Globalizacija [Culture. Civilization. Globalization] (end of XIX – beginning of XXI centuries): 2 Vol. – Harkiv., Osnova [Essential], 2001.

Литература:

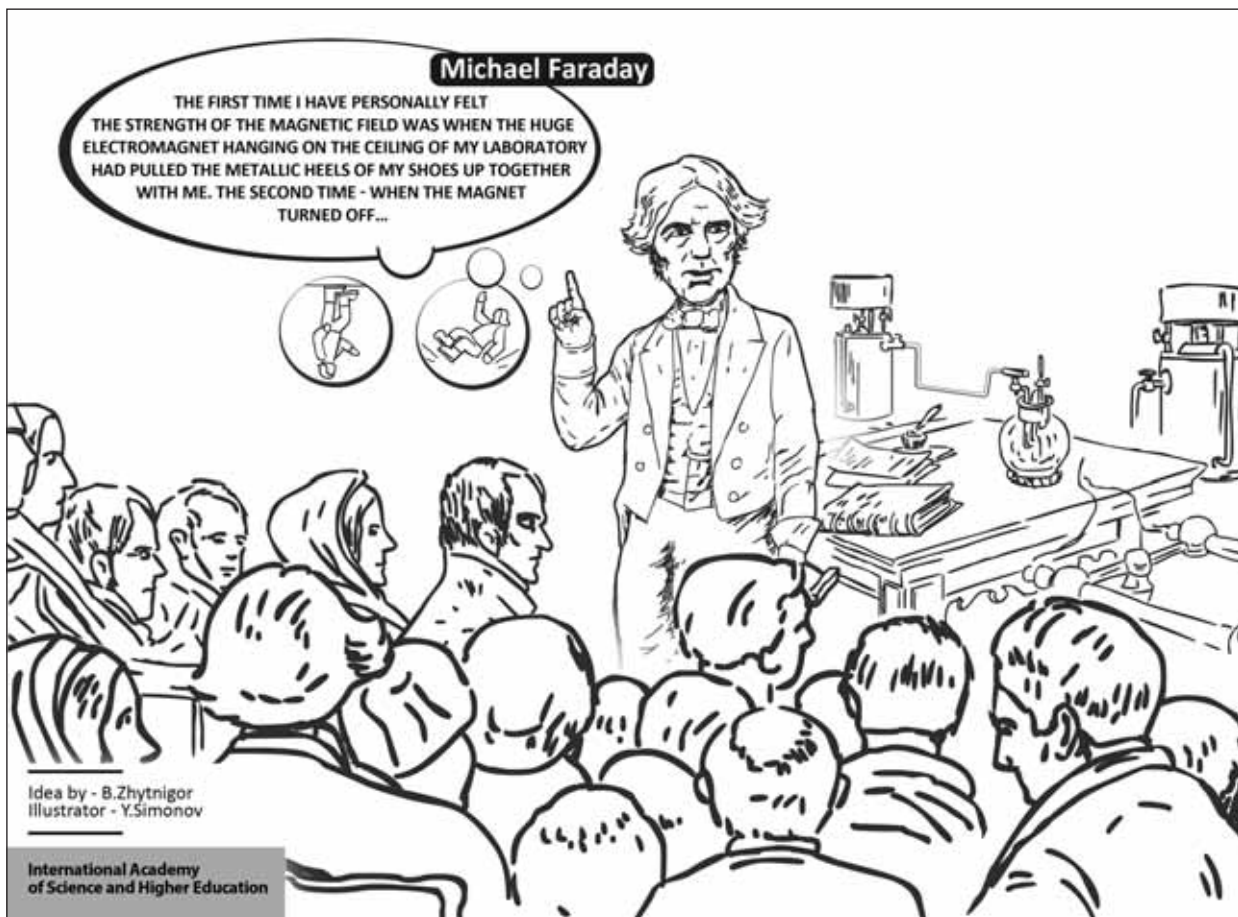
1. Гальцева Р.А. Западноевропейская культурфилософия между мифом и игрой., Самосознание европейской культуры XX века. – Москва., Политиздат, 1991., с. 8-22.
2. Історія української культури. За

ред. Сидоренко О.П. – Київ., Освіта України, 2014 – 575 с.

3. Козловски П. Культура постмодерна. – Москва., Республика, 1997. – 240 с.
4. Мартьянов В.С. Постмодерн – реванш «проклятой стороны модерна»., Полис. – 2005. № 2., с.147-157.
5. Современная западная философия. - Москва., Политиздат, 1991. – 414 с.
6. Тоффлер Э. Шок будущего. – Москва., АСТ, 2002. – 557 с.
7. Тоффлер Э. Третья волна. – Москва., АСТ, 1999. - 781 с.
8. Шейко В.М. Культура. Цивілізація. Глобалізація (кін. XIX – поч. XXI ст.): в 2 т. – Харків., Основа, 2001.

Information about author:

1. Irina Volkova - Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Odessa State Agrarian University; address: Ukraine, Odessa city; e-mail: volkova1234@mail.ru

INTERNATIONAL UNIVERSITY

OF SCIENTIFIC AND INNOVATIVE
ANALYTICS OF THE IASHE

- DOCTORAL DYNAMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- ACADEMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- INTERNATIONAL ATTESTATION-BASED LEGALIZATION OF QUALIFICATIONS
- SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAM OF THE EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL QUALIFICATION IMPROVEMENT
- DOCTORAL DISSERTATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL ACADEMIC PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL DOCTORAL PROGRAMS
- AUTHORITATIVE PROGRAMS

<http://university.iashe.eu> e-mail: university@iashe.eu Phone: + 44 (20) 71939499

GISAP Championships and Conferences 2016

Branch of science	Dates	Stage	Event name
JUNE			
Philology	08.06-13.06	II	Issues of preservation of originality and interference of national languages in conditions of globalized international life
Culturology, Physical culture and Sports, Art History, History and Philosophy	08.06-13.06	II	Human creativity phenomenon in ups and downs of the historical process
JULY			
Medicine, Pharmaceutics, Biology, Veterinary Medicine and Agricultural sciences	06.07-12.07	II	Innovative approaches in diagnostics and treatment of human and animal diseases caused by injuries, genetic and pathogenic factors
Economics, Jurisprudence and Management, Sociology, Political and Military Sciences	06.07-12.07	II	Value of the personality and collective interactions in the social progress ensuring process
AUGUST			
Physics, Mathematics and Chemistry, Earth and Space Sciences	04.08-10.08	II	Modern methods of studying matter and interaction of substances, as well as the subject-based relations modeling
Technical Science, Architecture and Construction	04.08-10.08	II	Solving problems of optimal combination of standards of quality, innovative technical solutions and comfort of operation when developing and producing devices and construction objects
SEPTEMBER			
Educational sciences and Psychology	13.09-19.09	III	Harmonious personal development problem in relation to specificity of modern education and socialization processes
OCTOBER			
Philology	05.10-10.10	III	Trends of language cultures development through the prism of correlation between their communicative functions and cultural-historical significance
Culturology, Physical culture and Sports, Art History, History and Philosophy	05.10-10.10.10	III	Significance of personal self-expression and creative work in the course of formation of the society's cultural potential
NOVEMBER			
Medicine, Pharmaceutics, Biology, Veterinary Medicine and Agricultural sciences	10.11-15.11	III	Modern methods of ensuring health and quality of human life through the prism of development of medicine and biological sciences
Economics, Jurisprudence and Management, Sociology, Political and Military Sciences	10.11-15.11	III	Correlation between humanity and pragmatism in target reference points of modern methods of public relations regulation
DECEMBER			
Physics, Mathematics and Chemistry, Earth and Space Sciences	07.12-13.12	III	Object-related and abstract techniques of studying spatio-temporal and structural characteristics of matter
Technical Science, Architecture and Construction	07.12-13.12	III	Current trends in development of innovations and implementation of them into the process of technical and construction objects production

International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
1 Kings Avenue, Winchmore Hill, London, N21 3NA, United Kingdom
Phone: +442071939499
E-mail: office@gisap.eu
Web: <http://gisap.eu>